

НОВОГОДНИЕ СВИТКИ

Ирадж Башири
Университет Миннесоты, США

Душанбе, Таджикистан
2004

1

В один из чудесных апрельских дней, после полудня, Хуршед, Махпаре, Обид и автор этих строк сидели на балконе номера на восьмом этаже гостиницы «Таджикистан» и вели беседы о разнообразии народов, населяющих республику, о древности таджикской культуры и о других родственных материях. Хуршед, кинорежиссер, и его подруга Махпаре занимались пещерами и старыми поселениями в окрестностях Душанбе и без усталости рассказывали о своих поездках и о встречах с местными жителями. Из предыдущих бесед я имел возможность заключить, что они, по всей вероятности, собрали большой материал о пещерах, об окрестных деревнях, их жителях и тех, кто бывал в этих местах, но не хотел выведывать более того, чем они сами желали со мной поделиться.

«В одной пещере, - рассказывал Хуршед, - живет йог-отшельник, который в течение многих лет ни разу не выходил на белый свет. Вы, может быть, не поверите, но его суставы застыли в позе лотоса, так что теперь он не может даже встать.»

В тех случаях, когда наши беседы выходили за границы правдоподобного, я поглядывал на Обида, образованного, опытного и уже не очень молодого человека, и ждал от него подтверждения правдивости изложенного. Как правило Обид, будучи по своей природе немногословным, кивал головой в подтверждение слов рассказчика, тем самым

показывая мне, что он может лично удостоверить некоторые из этих историй.

- Вы засняли сцены, о которых так красноречиво рассказываете? Спросил я. – Мне они кажутся невероятными.

Хуршед спокойно ответил:

- Разумеется, засняли. Это наша работа. На студии полки переполнены бабинами фильмов, снятых на эту тему, но работа еще не завершена, и на днях нам вновь предстоит поездка.

Я спросил:

- Вы будете опять снимать?

- И это тоже, но еще мы хотим исследовать новые места вокруг горы Муг, укрепления согдийцев против первых волн арабского завоевания.

Заинтригованный, я спросил:

- Вы говорите, гора Муг? Я знаком с работами, которые проводились там в 30-е годы. Вы собираетесь посетить развалины крепости?

- Нет, - рассмеялся Хуршед, располагаясь в своем кресле,

- наша цель другая, а развалины это ваша работа. Мы киношники, а не археологи!

С возрастающим любопытством я спросил:

- И все же, как вы добираетесь до таких отдаленных мест в горах?

- На Симурге¹. Он нас не то что на гору Муг, на гору Коф доставит!

- Симург? - переспросил я, - знакомое слово. Это та самая птица, которая восстает из пепла?

- Нет, нет, - сказал Обид, - вы путаете Симурга с птицей Кокнос², иначе известной как феникс.

- Кто же тогда Симург?

Махпаре спросила:

- Вы знакомы с поэзией Фаридаддина Атгара?

- Немного, - сказал я уклончиво.

- В своем «Собрании птиц» он рассказывает о горе Коф, и том как птицы всего мира перелетели через семь горных ущелий Кофа, дабы достичь обиталища Симурга. Знакомо вам это сказание?

- Знакомо, - сказал я и добавил: - в некоторой мере. Хуршед, утомленный долгими пояснениями, вмешался в беседу:

- У нашей студии есть вертолет, он доставляет нас в любые места, отчего мы в шутку прозвали его Симург.

- Помните, - сказал Обид, который не хотел обрывать нить разговора, - мы хотели снять короткометражный документальный фильм "В поисках Симурга" или «В поисках Бурака»³. Что стало с этим проектом? Интересный был сюжет, нельзя предавать его забвению.

Хуршед, не уделяя особого внимания словам Обида, обратился ко мне:

- Если действительно желаете увидеть руины, можете поехать с нами.

- С удовольствием, - сказал я, - если гора Муг входит в ваш маршрут.

- Разве имеет значение, входит она или нет? - сказал Хуршед. - Если вы желаете отправиться на гору Муг, мы можем взять вас и по пути ранним утром высадить на горе, а на обратном пути вечером забрать.

Я взглянул на Махпаре и Обида, желая узнать их мнение.

Оба казались солидарными с решением Хуршеда.

- Это не опасная затея? - спросил я.

- Нет, - ответил Хуршед уверенным тоном, - В действительности, если и существует безопасный путь в столь высокогорные места, то это вертолет, либо пешком через горы.

- Я имел ввиду Симурга. Не рискованно? - пояснил я.

- Не рискованнее, чем карабкаться по горным тропам.

Тут вмешалась Махпаре:

- Ваш вопрос не самый существенный. Важно другое. Действительно ли вы хотите воспользоваться тем редким

случаем, который предлагает вам Хуршед? Я уверена, что вряд ли когда-либо еще вам предоставится такая исключительная возможность. Это и есть ключевой вопрос, который вам следует задать.

- Все-таки я до конца вас еще не научился понимать, - сказал я в удивлении. - Ради бога, объясните, вы это всерьез или шутите.

- Какие могут быть шутки? Мы профессионалы, а профессионалы относятся к своей работе серьезно. А вы?

- Что я? Профессионал или серьезный человек? Спросил я, невольно рассмеявшись.

Следом за мной засмеялись и все остальные.

- Конечно же, я хочу поехать. Однако, существуют практические соображения, которые не имеют отношения к моей преданности науке. Позвольте вас уверить, что я необычайно рад неожиданному предложению, и в то же время не могу не думать о возможных опасностях. Например, дикие звери или другие непредвиденные случайности.

- Там не более опасно, чем в других местах, - сказал Обид и добавил: - Год назад мы таким же образом брали с собой в Ягнобское ущелье одного французского исследователя. Можем снабдить вас ружьем, если вам так будет спокойнее, хотя кроме орлов так высоко никто не забирается. Можете быть уверены, что вас никто не побеспокоит.

- Можно немного подумать? - спросил я.

- Разумеется, - сказал Хуршед. - Решение за вами. Мы лишь желаем, чтобы ваша поездка в нашу страну была приятной и полезной. Было бы хорошо, если бы завтра к вечеру вы осведомили нас о своем решении, так как наша поездка намечается на утро послезавтра.

Я спросил:

- Откуда взлетает Симург?

- Обычно из аэропорта, иногда - со стадиона. В зависимости от обстоятельств.

- Я принимаю ваше любезное приглашение. сказал я решительно. Хуршед ошеломленно спросил:

- Прямо вот так?

Я пояснил:

- Да. Раз мне все равно предстоит решать, сегодня я это сделаю или завтра – разница небольшая. Время полета назначено, средство передвижение имеется, мой интерес к посещению крепости понятен, так что не вижу смысла тратить время на раздумья. Я еду.

- Хорошее решение, - сказал Хуршед, - Вы не пожалеете. Вечером за ужином у Обида поговорим обо всем подробнее.

После обсуждения графика поездки в квартире Обида, стоило мне задуматься о предстоящем полете, как в моей памяти возникало слово – Симург. Я воображал, что огромная птица поднимает меня с поля стадиона или из аэропорта и несет на гору Коф. Смогут ли люди добраться до вершины горы, чтобы спасти меня? Этого я не знал. Тем не менее утром назначенного дня я сел в вертолет без особого страха. В самом деле, я был спокоен, хотя совсем не был уверен в благополучном исходе нашего предприятия.

Мы расположились в салоне вертолета, и, несколько минут спустя, Симург плавно оторвался от поля стадиона. Никто не разговаривал. Пилота я не знал. Глядя вниз на все более уменьшающуюся фигуру Обида, я нарушил тишину:

- Я думал, Обид тоже полетит с нами!

- О нет. Ему надо работать. Мы готовим документальный фильм. Съемка закончена, пора монтировать, просматривать каждую часть по несколько раз, кадр за кадром, эпизод за эпизодом. - ответил Хуршед.

Между тем Махпаре, передавая мне конверт, сказала:

- Вот, посмотрите. Это фотографии, которые мы сделали в прошлый раз, когда ездили в горные села.

Взяв у нее черно-белые фотоснимки, я начал разглядывать их. Запечатленные на них лица походили на афганских моджахедов, но ни у кого из них не было оружия.

- Похоже, это довольно мирный и симпатичный народ, - сказал я, указывая на одну из семейных фотографий.

- Так оно и есть, - подтвердила Махпаре, а затем добавила: - Именно поэтому они нам и интересны. Они сохранили ряд уникальных традиций края. К примеру, стриженные волосы они закапывают в землю, женщин при родах полностью изолируют от всех остальных. При приготовлении пищи на открытом огне принято прикрывать рот, чтобы не осквернить огонь. Некоторые из обычаев, как, скажем, натирание тела маслом, развешивание венков из колючей травы⁴, целование домашнего порога, довольно загадочны. . .

- Это именно те люди, с кем мне бы хотелось познакомиться.

- Если бы они жили тысячу лет назад, - рассмеялся Хуршед.

- Возможно, - подтвердил я, тоже смеясь.

- Тогда забудьте про крепость Муг и поедem с нами!

- Нет, благодарю, - ответил я, - ваша работа в окрестностях даст материал и для наших исследований. Меня же соблазняет мысль провести день среди развалин крепости. Там мне может открыться то, что не открылось другим! - Хуршед и Махпаре переглянулись с многозначительной улыбкой. Воцарилось долгое молчание, нарушаемое только шумом пропеллера. Наше внимание и наши мысли были прикованы к изумрудным ущельям и громоздящимся к небу горам. Вдруг Махпаре воскликнула:

- Вон там Пенджикент, видите?

Я прищурил глаза, чтобы лучше рассмотреть город сквозь дымку тумана. Древний Пенджикент был похож на

прекрасное изделие камнереза, высеченное из огромной шоколадного цвета скалы. Я надеялся, что вертолет приблизится к городу достаточно близко, чтобы мы могли разглядеть его, но пилот повернул машину в другую сторону, и очень скоро город остался далеко позади.

- Скоро будем над вершиной горы Муг, - сказал Хуршед с некоторой озабоченностью в голосе, - набирать высоту больше не надо. Мы спустим вас вниз в корзине. Как только достигнете земли, выбирайтесь как можно быстрее из корзины и бегите в сторону от вертолета. Поверхность на вершине неровная, и безопаснее высадить вас в корзине, чем пытаться делать посадку. Также должен предупредить, что по другую сторону горы имеется пропасть глубиной в две тысячи метров. Когда заметите ее, не поддавайтесь панике, так как мы высадим вас на другой, более пологой стороне горы. Наш вам совет: в течение всего пребывания на горе оставайтесь в пределах крепости. Махпаре приготовила для вас обед; его, вместе с другими вашими вещами положили в корзину. Как только коснетесь поверхности горы, выньте все и положите на землю. Не тратьте времени, чтобы отнести вещи в сторону.

Хуршед завязал последние узлы, я залез в корзину, и летчик начал отсчет:

- Десять..., девять..., ставьте ногу сюда..., восемь..., держитесь крепче..., семь..., смотрите, чтобы корзина не потеряла ..., шесть..., равновесия..., пять..., скорее из корзины..., четыре ..., удачи ... до скорого..., три..., к вечеру вернемся..., два..., один...

Сердце билось так сильно, что готово было выпрыгнуть из груди. В то же время я был доволен, что не потерял самообладания. Как только корзина коснулась поверхности горы и борта ее автоматически откинулись, я выскочил на землю словно спасаясь от змеи, схватив рюкзак и куртку, и не забыв обеда, который дала мне Махпаре. Прежде чем направиться к крепости, я проводил взглядом медленно

исчезавший в синем небе вертолет и осмотрелся вокруг. Вершина выглядела вполне уютно по сравнению с соседствующими скалами. Вдали виднелись казавшиеся крохотными поля, деревни, аллеи деревьев, блестящая гладь прудов. Внезапно я почувствовал себя отрезанным от всего мира, и странное чувство пустоты овладело мной.

Большую часть утра я провел в крепости, осматривая развалины. Я ходил среди руин, изучая планировку некогда большого укрепленного города с улицами, арками и остатками двухэтажных зданий. Каменные стены крепости поразили меня. Они напомнили мне каменные укрепления исмаилитской крепости Аламут, которые я исследовал за год до моего приезда в Таджикистан.

Наконец, почувствовав, что я запечатлел в памяти достаточно полную картину крепости, я присел у стены со стороны реки Зарафшан, которая тонкой бирюзовой змейкой извивалась далеко внизу и исчезала в туманной дали. Это было невероятно красивое зрелище. Мысли мои обратились к старине, и я задумался о согдийцах, о их тяжелой жизни на этой неприступной горе под игом арабских владык, вдали от семьи и друзей. Вот было бы чудесно соприкоснуться с их жизнью, узнать их легенды и обряды, заглянуть к ним в души, думал я.

Отдохнув, я вынул из рюкзака инструменты и начал систематически изучать крепость: фотографировать, делать обмеры стен, арок, дверей, остатков жилых помещений.

Я хотел быть уверенным, что увидел и записал все. Эти материалы должны были дать ответы на вопросы, которых пока не существовало. Это самая трудная часть моей работы и я отношусь к ней очень серьезно, потому что очень часто я не имею возможности вернуться в те места, которое я изучаю. Данные, собранные на месте, с одновременным их анализом и теоретическими выводами, должны давать ответы на вопросы, которые могут возникнуть в будущем, во время кабинетной обработки материала.

В общей сложности я смог определить формы и размеры пяти комнат. Четыре из них имели прямоугольную форму длиною в 20 метров. Пятая комната была меньше размером и имела семиметровую длину. Высота стен колебалась в зависимости от степени разрушений, произошедших в течение веков. Некоторые из них были настолько высоки и крепки, что могли удержать два этажа, на других были заметны следы от печей, где готовилась пища и получалось тепло.

В полдень я добрался до поросшего кустарником быстрого ручейка, бежавшего вдоль склона соседней горы. Здесь, у ручья, я выбрал место поудобнее и занялся приготовлением трапезы. Журчание воды успокоило меня, и в то же время напомнило мне о моем положении, доведя до сознания мысль, что я в совершенном одиночестве сижу на вершине горы в ожидании вертолета Симураг, чтобы тот вернул меня в цивилизацию.

Махпаре приготовила для меня славный обед: таджикский хлеб наан, фатир, маринованные баклажаны, кебаб и банка газированной воды Маунтин Дю. Чая не было. Я был удивлен, найдя банку газировки вместо обязательного зеленого чая. Но потом я вспомнил, что один раз упоминал Маунтин Дю как свой привычный напиток дома, в Великобритании.

Пообедав, я растянулся на земле, привалившись к огромному камню. Из этого положения я стал рассматривать крутую скалу на другом берегу ручья. Та ее часть, которая находилась ближе ко мне, не была особенно ровной, но по мере своего отдаления казалась более гладкой и напоминала стену, сделанную руками каменщика. Я расположился поудобнее, вытянув ноги и уперев их в поросший мхом камень, затем положил руки под голову и дал глазам свободу блуждать, где им заблагорассудится. И тут я заметил на стене странную неправильность. Угловой камень, выступавший из стены и сглаженный временем, выглядел

совершенно неуместно. Он больше походил на край сундука, чем на скальное формирование.

Чем больше я сосредоточивал внимание на этой детали, тем больше убеждался, что мне надо встать и исследовать всю дальнюю часть скалы. Наконец я не выдержал. Встав, я подошел к выступу и армейским ножом начал с осторожностью ковырять стену вокруг него. Едва державшаяся глина легко посыпалась, и выступ принял форму керамического или каменного ящика. Поскольку ни очертания, ни размеры не позволяли предположить, что это гробница, я стал гадать, что могло скрываться внутри. Я работал ножом все быстрее и быстрее, пока наконец не расчистил всей глины вокруг ящика.

При помощи крепкой сухой ветки я очистил боковые стороны продолговатого ящика от глины и, наконец, вытащил его. Это был не ящик, а скорее шкатулка правильных размеров. Я поставил ее на землю и осмотрел. Она не имела снаружи никаких надписей или рисунков. Чтобы удостовериться, я рукавом стер пыль с крышки. Моему взору представилась зеленораморная поверхность с алым извилистым узором. Тщательно очистив крышку и убедившись, что поблизости не было ни капли влаги, я опять осмотрел ее каменную поверхность в поисках надписи или узора. Ничего не было.

Наконец, я с волнением провел острием ножа вдоль крышки, чтобы посмотреть, поддастся ли она. Она поддалась. Легким движением я приподнял крышку. Облако пыли с затхлым запахом высохшей кожи ударило мне в нос. На дне шкатулки находилось несколько свитков.

Я не мог поверить своей удаче! Инстинктивно я оглянулся вокруг, чтобы убедиться, что за мной не следят, затем попробовал извлечь свитки. Они склеились друг с другом, и, едва прикоснувшись к ним, я понял, что они куда более тонкие, чем я думал. Я уставился на находку, пытаюсь выработать план действий. Первая проблема состояла в том, чтобы определить, единый ли этот свиток или же несколько

пергаментов, свернутых вместе. Моему взору был доступен только верх свитка, поэтому я подложил пальцы под низ ветхого свертка, слегка приподнял его и, прощупав свернутые края, определил, что это отдельные листы пергамента, сложенные стопкой. Осмотрев верхний лист, я понял, что пергамент затвердел и потерял гибкость. Отложив на время свои попытки, я начал приготовления к записи всех подробностей проделанной работы, обычной процедуры в случае археологических находок. Я сбегал за рюкзаком, вынул из него магнитофон и пару чистых пленок и вернулся к шкатулке. Вставив пленку в магнитофон, я пересказал все, что было проделано мною до этой минуты. Я все еще не знал, сохранились ли записи в свитках, а если сохранились, то возможно ли их прочитать.

Настроив магнитофон для дальнейшей работы, я осторожно попытался отделить первый лист. После некоторого усилия, лист с хрустом отслоился, подобно сухой бересте, и оказался у меня в руках. Я взглянул на внутреннюю сторону листа. Запись была хорошо различима. Я осмотрел всю страницу: верхняя и нижняя части были повреждены, нижняя более чем верхняя. Продолжая записывать свой рассказ на пленку, я попытался определить, на каком языке записан текст. Это был согдийский язык, которым я интенсивно занимался в университете в числе других восточно-иранских языков.

Рассмотрев лицевую сторону первого пергамента, я был удивлен тому, насколько ровной была его поверхность и насколько крепок был материал, сопротивлявшийся попыткам полностью разогнуть его. Почерк был ясный и четкий, поэтому мне не пришлось долго гадать, что же написано в документе. Из первых строк я понял, что речь идет о наврузе, древнем иранском празднике Нового года.⁵

Поскольку времени оставалось мало, а каменный ящик был слишком тяжел для транспортировки на Симуург, тем более в корзине, я решил записать содержание свитков с моими комментариями, касающимися пропусков, ошибок и

тому подобного, на магнитную ленту, надеясь успеть до прибытия вертолета.

Начал я так:

- Пояснения: Верхние строчки первого документа отсутствуют, нижняя часть страницы оставлена свободной для последующих записей. Содержание первого документа выглядит следующим образом:

«... изложить кратко. Все же, среди бурь и волнений мы постарались оставить рассказ об этом важном празднике нашим детям, детям наших детей и всем будущим поколениям Согда. Дело было начато некоторое время назад как собрание записей о Наврузе, его истории, его значении и праздничных обычаях, как они дошли до нас от мудрецов прошлого. В подготовке этого собрания мы искали совета у священников храма огня, находили записи в дневниках, путевых записках, архивах, а также беседовали с теми, кто так или иначе участвовал в праздничных церемониях. Их рассказы говорят сами за себя. Помолитесь за наши души.»

Верхняя часть свитка полностью истлела и рассыпалась на дне шкатулки. Я внимательно осмотрел наружную сторону следующего свитка, где остались слабые отпечатки от первого документа, но не такие отчетливые, чтобы можно было что-либо прочесть. Достав свою куртку, я расстелил ее на земле и в целях предосторожности положил на нее первый прочтенный свиток, придавив его небольшим камнем. Затем отделил следующий свиток, почему-то подумав о луковой шелухе. Оказалась опять неполная страница. Верхняя ее часть была повреждена больше, чем у предыдущего свитка. «Пояснения, - сказал я в микрофон, - На верхней части отсутствует еще больше строк. Оставшееся содержание таково:

«..по поводу происхождения буквы «син»⁶ мы обратились к верховному священнику Исфахана и Фарса. Доныне мы получили лишь один ответ. Я отправил гонца в Азербайджан с тем же вопросом. Один ответ противоречит другим. Его автор утверждает, что эта буква происходит от начала слова «чин» от глагола «чидан» (т.е. «собирать» - от перев.). Он поясняет, что «чин» это пучок растений, сорванных с поля. Далее он поясняет, что «хафт-чин» это семь пучков или образцов разных растений, которые подносились во дворец к правителю, как мера будущего урожая каждой из этих культур.

Хотя я не согласен с подобным толкованием, я сохранил эти записи для сравнения со сведениями, полученными из других мест. Кажется, что по мере отдаления от центра Согдианы все более необычными становятся воззрения на некоторые из наших главных обычаев.

Что касается включения уйгурских похоронных...»

Нижняя часть страницы была оторвана, поскольку она, по-видимому, не относилась к теме. На обратной стороне страницы также были видны следы от текста предыдущего документа, чтение которых было затруднительным.

Исследуя свитки, я все более убеждался в том, что нашел настоящее сокровище. И по мере того, как я начинал видеть внутренний порядок в последовательности фрагментов, я все больше сожалел о потере значительной части этих свитков. Когда я пытался извлечь следующий свиток, рука моя наткнулась на что-то твердое. Порывшись в пыли, я извлек

на свет три блестящих кусочка лазурита с сохранившейся старинной обработкой, прекрасный насыщенно-голубой цвет которых заставил меня затаить дыхание. Я нажал кнопку магнитофона, уселся поудобнее и стал записывать:

- Пояснения. Среди пыли от истлевших свитков найдено три куска лазурита, на которых просматриваются следы узоров, хотя возможно они просто обработаны таким образом. Для более тщательного их изучения нужно увеличительное стекло. Пока я положил их в одну из пустых коробок из-под пленки, под номером 12.

Затем отделив другую страницу, я дал подробные пояснения о ней и записал на магнитофон ее содержание:

«...и множество подобных людей. Один из посланцев почтил меня особым доверием и показал дары, которые везли на верблюдах во дворец правителя. Грузом первого верблюда были ткани, сотканные женщинами Хотана, кипы разноцветного шелка ярких тонов. Одна ткань была небесно-голубой, другая имела золотистые окраски спелого персика с алыми оттенками. Следующая была медно-красного цвета и переливалась серебрянным блеском. Взглянув на это красочное зрелище, я невольно ощутил себя на лугу, где повсюду разбросаны самоцветы. Все краски гор, вод, диких цветов и птиц были собраны в простом тюке с товаром, направляющимся в царский дворец.

Увидев мою удивление, мой со товарищ сказал:

- Это всего лишь ткани.

Затем достав содержимое из большого узла, помещенное на другом верблюде, он пояснил:

- А это - искусство моего народа. Наши женщины самые лучшие мастерицы в мире. Взгляните на вышивку этого камзола.

Черная ткань камзола была вышита тончайшим белым шелком, кайма отделана золотом.

-Обратите внимание вот на это платье, - сказал мой друг, указав на халат из золотистой ткани с пурпурной каймой. – Вы знаете, что пурпурный цвет ... исключительно ...»

Нет ничего более досадного для читателя, чем прерывание рассказа в самый интересный момент. Безусловно, нельзя не учитывать трудные обстоятельства тех, кто положил свитки в шкатулку, но я все же ожидал, что каждый новый свиток будет дополнять предыдущий, и я смогу составить достаточно внятное представление о празднике. У меня оставалась надежда, что я еще найду свиток с продолжением рассказа, начатого в первом документе, но пока такой возможности не предвиделось. Я продолжал работу:

«...в день великого Навруза я достиг царского дворца в Касре. Это шестой день после всеобщего Навруза, день, когда сам царь празднует новый год. В этот день ко двору съезжаются знатные люди, правители провинций, военачальники, сказители, нелицы, богатыри, музыканты и танцоры. Все и вся кругом проникнуто радостью и торжественностью знаменательного дня. Мне не удалось лицезреть монарха, но я слышал имена посланцев и названия стран во время подношения даров в царскую сокровищницу, и когда произнесли наши имена и название царства Согд, я пришел в такое волнение, что глаза мои наполнились слезами. Мне не было необходимости видеть царя, его образ навеки запечатлен в моей памяти. Его приветливо улыбающееся лицо, вычеканенное на монетах, его изящный взмах руки и величественная

осанка подтверждают мое убеждение, что если во всем мире найдется правитель...»

Я проверил пленку, чтобы убедиться, что магнитофон работает нормально, и взял следующий свиток:

«...год. Никто не может знать заранее, какая из культур даст лучший урожай. Быть может, пшеница и ячмень. В год, когда я был там, плохо росла чечевица. Поля с чечевицей выглядели уныло, а это означало, что большого урожая ждать не следует. В тот год накануне Навруза мы гостили у правителя города Рей. Он также жаловался на плохой рост чечевицы, говоря, что нечего будет выставить к празднику. – «Видите ли, - объяснил он, - хафтин это то, что нужно иметь к празднику наряду с другими вещами, которые собрать нелегко. Но к счастью, у нас все есть: гребень я купил у самаркандского купца, державшего путь в Багдад, вино беру в своих погребах, сахар привезли из Хузистана, молоко и свечи⁷ есть везде. Как вы думаете, отчего же мы не можем управлять...»

Этот свиток имел новые сведения о Наврузе, принадлежащие доисламскому периоду, когда определяющей начальной буквой семи предметов, символов семи жизненных сил, вместо буквы «син» была буква «шин»⁸. Подняв глаза, я понял, что времени оставалось мало, и перешел к следующему пергаменту:

«...маги. Но теперь не знал, что делать. И он, и его друг были связаны грабителями и брошены в угол амбара. Я сказал «его друг», на самом деле они не были достаточно знакомы. Год назад мой отец, по поручению правителя Хотана, обязался доставить два сосуда мускуса в Мадаинский дворец. Это была

вторая его поездка туда. За год до этого ему тоже было дано почетное поручение доставить царю царей дары от правителя. Он рассказывал, что как только он достиг дворца, сосуды были приняты и выставлены рядом с остальными подарками, чтобы затем, на второй день Новруза, быть переданными его величеству. К этому времени, однако, лишь везирь знал о том, кто вручил дары, и какие именно, а кто нет».

Чтение отрывков теперь давалось легче, и мне представлялся роскошно убранный Мадаин в первый день нового года. Мне хотелось больше узнать о том, что стало с тем, кто доставлял сосуды мускуса, и с его другом. Удалось ли им вырваться из рук грабителей? Осмелились ли они вернуться в Хотан, чтобы предстать перед правителем? Не сложились ли обстоятельства так, что им пришлось провести остаток жизни в скитаниях вдали от родины и родных? Подготовив пленку перед началом работы над следующей страницей, я продолжил:

«На строительство колонн ушло три дня⁹. Царские советники лично наблюдали за работой. После того, как семена были посеяны, в течение двадцати дней царский садовник приходил к полю, поливал растения, и ухаживал за ними. Большинство посадок, в особенности, просо и пшеница, а также шафран, росли хорошо. Подсолнух, кунжут и фасоль тоже неплохо выросли. А вот ячмень, клевер и чечевица оставляли желать лучшего. Через несколько дней после первой посадки мы поняли, что нам предстоят трудности. Царь велел, чтобы урожай ячменя был особенно хорош. А наш ячмень был хуже, чем обычно. Опасаясь

быть наказанным, я обратился к мубаду¹⁰ за советом. Он сказал:

- Не волнуйся. Замени ячмень, посеянный на колонне Новруза, на ячмень, выращиваемый для храма огня. Завершите это дело как можно скорей, ибо необходимо поспеть до того, как придут с проверкой.» Он также заверил нас, что царский садовник, его друг, не станет препятствовать.

Я выполнил указания мубада. Теперь все было в руках у великого Ахуры Мазда, оставалось лишь надеяться, что он подарит хороший урожай ячменя и...»

Я всегда считал, что количество культур, выращиваемых накануне Новруза на колоннах, было равно семи и что «хафт син» состоял из этих семи культур, лучшая из которых выбиралась для выращивания в новом году. Согласно же этому свитку число культур было открытым, и растения соревновались друг с другом, чтобы доказать свою урожайность в глазах царя и садовника. Следующий свиток посвящался этой же теме, но форма изложения была необычной:

«- Значит, ты отправила его туда одного?

- спросил мужчина свою жену, рассердившись.

- Нет, с ним его брат.

- То есть, ты послала двоих детей в горы за горстью руты¹¹? Разве нельзя было дождаться моего прихода? Разве рута не должна быть сухой? – он повысил голос, выказывая недовольство поступком жены.

- Не сердись, - спокойно сказала женщина, - я готовилась к празднику. Яблоки, уксус и сумах¹² уже на кухне.. Соседка принесла немного саману¹³, гуацинт¹⁴ я собрала в саду. Ты должен был принести сенед. Руты не было, я и подумала, что дети принесут.

Замолчав и немного подумав, женщина сказала, как будто успокаивая себя:

- Дети уже не так малы, как тебе кажется. Они выросли.

- Жена! - сказал мужчина, - Сейчас не лучшее время года. Пастухи каждый день рассказывают о том, что волки нападают на стада. Солнце близко к закату. Что, если дети заблудятся в темноте? Ты думала об этом? Не могла положить монету¹⁵ вместо руты?

- Могла. конечно! - вымолвила женщина в слезах. - Зачем ты пугаешь меня? Может быть, мне следует пойти искать их. Я знаю, где они могут быть. Там, где однажды мы видели большую желто-черную змею. - Догадываясь, что сказала лишнее, она, замолчала.

- Слава богу, что змеи не появляются в холод. Меня беспокоят волки.

- Не думай, что мне не пришло все это в голову. Я просто не ожидала, что они будут так долго, - сказала женщина сердито».

Читая свитки, я подумал о том, что каждый из них указывает на какую-нибудь культурную особенность, хранимую в семье. «Какая захватывающая человеческая драма!» пробормотал я про себя.

На кассете я записал:

- Пояснение: Я просмотрел несколько следующих свитков, они сохранились не лучше, чем предыдущие. Первое, что бросается в глаза - это отсутствие целостного повествования о Наврузе, которое упоминалось в самом начале.

Эта догадка усилилась, когда я, к своему огорчению, прочитал конец последнего свитка: « дальних провинций...»

Я тревожно взглянул на небо, чтобы понять, сколько времени еще остается на чтение свитков. Солнце прошло две трети небесного круга, до заката оставалось недолго.

Усевшись поудобнее, я продолжил чтение свитков в микрофон:

- Начиная с данного фрагмента, все последующие свитки написаны другим почерком. Чтение их намного сложнее, и вероятность ошибок с моей стороны возросла. Увеличилось количество незнакомых слов:

«Арабским войскам удалось сломить наши оборонительные силы. Дни наши сочтены. Мы не знаем, суждено ли нашим детям прожить ту счастливую жизнь, какую прожили мы. Воистину, мы в своей жизни не видели дней темнее, чем эти. Нам не дано завершить наших усилий, мы слишком поздно взялись за дело и наш рассказ не полон. Но все же мы оставляем в этой каменной шкатулке собранные нами сведения. Может стать, они послужат пониманию того, что было нам дорого и что нас некогда тревожило. Вместе с этими свитками мы положили три куса лазурита как награду тому, кто найдет свитки. Если свитки погибнут, знаки на камнях сохранят наш рассказ в кратком виде. Мы...»

При чтении этого свитка две мысли, одна тревожнее другой, не покидали меня: во-первых, солнце уже садилось, и тени на скале напротив меня становились все выше. Во-вторых, тексты на свитках становились все короче, причем последние страницы были пустыми, что говорило о той спешке, с какой они были собраны в шкатулку. Два последних свитка, хотя и были самыми трудными, оказались самыми интересными:

«...другие были лучше подготовлены к этой миссии. Для меня, не имевшего ни духовного сана, ни отношения ко дворцу, было великой честью принять участие в этой важном деле,

сбирать рассказы людей о Новрузе, распространять сведения о наших обычаях, особенно в деревнях, и служить писцом. В течение всего времени подготовки собрания, я искал божественного заступничества Ахура Мазды, обещал исполнять его завет и торжествовать его победу над силами зла. И мои сотоварищи...»

Скромная информация, что имелась у меня о Наврузе, в том виде, в каком его празднуют ныне, давала мне понять, что мои сведения о нем не исчерпаны. Тем не менее, свитки открыли мне много нового о прошлом праздничных обычаев.. Я продолжил:

«Во время празднования Навруза верховный мубад¹⁶ является первым из лиц вне дворца, чтобы приветствовать владыку владык. По вхождении в огромный зал, взяв в одну руку золотой кубок с красным вином, а в другую – пучок зеленых побегов¹⁷, он приближается к престолу. Его слуги подносят к трону многочисленные дары, среди которых золотое кольцо, золотые монеты, меч, лук и стрелы, перо и чернила, конь, орел и красивый юноша. Достигнув подножия трона, он останавливается и совершает традиционный обряд, во время которого желает царю и народу благоденствия и долголетия. Затем он пробует вино, медленно подходит к царю и с поклоном передает ему кубок. Другой рукой он протягивает царю зеленые побеги, благославляя царя и желая ему радости и счастья в предстоящем году. После благославления, мубад мубадов, делает шаг назад и медленно удаляется от престола, приказывая слугам возложить подарки на назначенное место у трона.

По окончании церемонии, царю преподносят свои подарки царевичи, правители, вельможи и прочая знать, совершая при этом схожий с ритуалом мубада мубадов обряд, хотя и более краткий. Они желают монарху счастья в грядущем году. И так до позднего часа не пресекается поток знати на приеме владыки. Правители дальних провинций...»

Этот документ, возможно один из первых в собрании свитков, подтвердил мое подозрение, что я открыл не крышку шкатулки, а ее дно. И все же я сожалел о плохой сохранности свитков и еще больше о том, что не мог забрать с собой в вертолет шкатулку.

Первый раз за все время чтения свитков я, наконец, встал на ноги и тут же почувствовал боль во всем теле. Теперь я понял, почему отшельник, живущий в пещере, не хотел шевелиться.

По длине своей тени на скале я определил, что до отлета в Душанбе осталось не более часа и что мне следует быстро собраться и идти в назначенное место.

В последний раз взглянув на свитки в шкатулке, я закрыл крышку. Затем запечатал её приготовленной ранее глиной, положил шкатулку на прежнее место и также обмазал вокруг глиной. Если бы не влажная глина, никто бы теперь не смог определить место среди многочисленных выступов на скале, где спрятана шкатулка. Завершив работу, я вымыл руки, стряхнул пыль с одежды, взял куртку и рюкзак, и направился к той части горы, где меня должен был подобрать Симург.

Когда я достиг назначенного места, откуда должен был полететь в Душанбе, медноокрасные облака на горизонте стали коричнево-серыми. Некоторое время я смотрел на диск солнца, готового уже закатиться, затем замер, надеясь услышать звук двигателя вертолета. Но на вершине горы царила абсолютная тишина.

С тревогой в душе я огляделся вокруг, спрашивая себя: что если они не прилетят? Что если на пути произошли какие-либо изменения, или же они не смогли достать горючее? Я впал в тревожные раздумья, но все же постарался не поддаваться настроению. Во-первых, я обнадежил себя мыслью, что в любой момент может появиться вертолет и забрать меня. Во-вторых, я был уверен, что они найдут способ поставить меня в известность в случае перемены планов. Вдруг перед моим взором раскрыла свою пасть страшная пропасть, оба края которой ощетинились высохшей колючей травой. Надежная гробница для того, кто имел бы несчастье свалиться со скалы - вряд ли кто-либо захотел спуститься туда за телом. И тут меня охватил страх. Я представил себе, что если в эти минуты прибудет вертолет, меня начнут поднимать и что-то пойдет не так, мне грозит участь сорваться и полететь вниз головой на дно этой чаши смерти. Я начал сомневаться в том, что самая трудная часть моего путешествия осталась позади. Приказав себе не трусить, я сосредоточился взглядом на пленительном закате. В конце концов, меня легко высадили на поверхность горы. Почему бы им не забрать меня обратно наверх также, безо всяких проблем!

Но как только диск солнца достиг горизонта и холодный ветер пахнул мне в лицо, я начал но-настоящему тревожиться. Не знаю почему, но я понял, что вертолета не будет. Даже если бы он прилетел, я бы уже вряд ли отважился подниматься в вертолет в корзине. В паническом беспокойстве я пытался найти выход из положения. Но какой мог быть выход? Мне предстояло ночевать на вершине горы без малейшей подготовки к такому повороту событий.

Наступала ночь. Прежде всего, я нуждался в костре, так как солнце уже погружалось в объятия далекого горизонта, кудрявые облака превращались в сизо-черный монолит, и вечерняя прохлада становилась все более суровой.

Я не мог оставаться у рюкзака в ожидании вертолета. Нужны были дрова, но сколько я не осматривался вокруг, я не видел ничего, кроме сухих колючек. Тут я вспомнил, что на месте, где я обедал, было достаточно сухого дерева и листьев. Но место это находилось на приличном расстоянии отсюда. Без дальнейших раздумий я оставил рюкзак и побежал к ручью. Набрал целую связку хвороста, я потащил ее на верх горы, всю дорогу браня Хуршеда и Махпаре, но более всего себя за неосторожное решение.

Тут я вспомнил, что Махпаре рядом с сахаром и другими продуктами положила мне коробок спичек. Обедая, я подумал, что это лишний груз, так как не курю сигарет, но сейчас именно эта ненужная вещь приобретала жизненно важное значение. Я от всей души поблагодарил Махпаре за ее предусмотрительность.

2

Уверившись в том, что должен провести всю ночь на вершине горы один, я принес связку дров под единственное сохранившееся подобие навеса. Затем, чтобы развести огонь, разравнивал землю в углу, где сходились две уцелевших стены..

Вначале я увлеченно подбрасывал в огонь, одну за другой, собранные ветки и любовался танцующими языками пламени, отражавшимися на каменной стене крепости. Потом, поняв, что эта связка - единственный источник тепла до самого утра, я стал более бережливо поддерживать огонь. Все вокруг погрузилось в темноту, и дальше одного

двух метров уже не было видно ничего. Ночной холод усиливался, а дров становилось все меньше. Если бы я мог предполагать, что мне придется переночевать здесь на горе, то собрал бы больше дров и выбрал бы место куда более закрытое. Но теперь уже было поздно и ничего не оставалось, кроме как довольствоваться тем, что имелось. Я не осмеливался отойти от костра даже на пару шагов; мне казалось, будто пропасть поджидает меня прямо здесь, за чертой огня, хотя разумом я понимал, что пропасть лежит отсюда на приличном расстоянии. Следовало утешать себя хотя бы тем, что погода была хорошей.

По мере того, как мое тело начал пронизывать ночной холод, я все глубже задумывался о несчастьях, постигших согдийцев на этом самом месте, вовсе не чувствуя разделявших нас двенадцати столетий. Мои обстоятельства были не намного лучше. Они, оказавшиеся в окружении арабов, не имели никакого выхода. Я же находился в плену холода без всякой к тому готовности. Разве не поразительно, что моя судьба и судьба согдийцев, живших тысячу двести лет назад, соприкоснулись именно на этой точке!

Я бранил себя за то, что, во-первых, минуя здравый расчет, принял приглашение Хуршеда. Если бы я не поторопился и немного поразмыслил, то принял бы более трезвое решение и не совершил бы эту поездку. И потом, весь день с увлечением читая свитки, я даже не задумался над тем, что вертолет может не прилететь и я могу остаться один. Иначе, собрав траву и сено, я соорудил бы себе теплую постель. Но теперь я не смел даже сдвинуться с места, и мысль о том, что по неосторожности я могу провалиться в пропасть, охватывала страхом все мое существо.

Периодически я дремал, но тут же старался проснуться, предпочитая бодрствование сну. Мне почему-то казалось, что как только дрова будут на исходе, я засну и не проснусь больше. Но в то же время, сам холод был моим другом, не давая мне заснуть. Каждый раз, когда я немного согревался и засыпал, холод будил меня.

Когда ночная тьма достигла пика, я воззвал к другой ночи:

Без тебя, лунной ночью, я вновь по той улице прошел,
Все тело превратилось в око, взор напрягая в поисках тебя¹⁸.

Стихотворение Фаридуна Мушири освещало своим лунным светом мою темную ночь. Я многократно повторял строчки:

Жажда видеть тебя переполнила чашу существа моего,
И вновь я стал безумцем тем, каким был прежде.
В долине уединения души засиял цветок памяти твоей,
Зацвели в улыбке сады сотен воспоминаний,
Разнесся аромат сотен мгновений.

Дочитывая это стихотворение, я услышал некий странный звук. На какой-то момент меня охватил страх, еще более сильный, чем до этого. Выпрямившись, я вслушался. Было тихо. Я подумал, что, быть может, это полет ночной птицы, либо шорох мыши или другой твари поблизости. Вновь произнес:

Без тебя, лунной ночью...

Звук раздался повторно. Я встал с места и, прислушиваясь, спросил:

- Кто там?

Ответа не последовало, но звук стал отчетливее и ближе. Без сомнений, кто-то, поднявшись по склону, пробирался ко мне. Властным тоном я спросил:

- Кто там?

Звук становился все ближе и ближе. Я уставился во тьму, но безуспешно: рассмотреть что-либо дальше одного двух метров было невозможно. Звук прекратился. Схватив нож, я замер в ожидании нападения из темноты. Стихотворение Мушири кружилось в мыслях:

Все тело превратилось в око, взор напрягая в поисках тебя...

- Ты у меня на мушке! - раздался голос из темноты. - Не делай резких движений, отвечай на мои вопросы. Я не

хочу причинить тебе зла, но если допустишь малейшую оплошность, прикончу одним выстрелом. Говори, кто ты?

- Я археолог. Сегодня утром прибыл сюда посмотреть на развалины крепости...

- Ружье имеешь?

- Нет. Только нож.

- Брось его мне!

Взяв в руку нож, я сначала хотел метнуть его в темноту, в надежде попасть в цель, прикончив или ранив нежданного гостя, но подумав, понял, что шансы у меня невелики, и бросил нож в указанном направлении. Издав глухой стук, он упал на влажную землю древней крепости. Воцарилась тишина. Я оглянулся вокруг. Кроме нескольких метров, освещенных огнем, все вокруг было поглощено тьмой.

- Вы все еще здесь? - спросил я.

- Здесь! - хладнокровно ответил незнакомец.

- Как долго еще вы собираетесь пребывать в темноте?

- До тех пор, пока не получу от тебя нужную информацию.

- Я здесь один, - ответил я, - Сегодня утром меня доставили сюда на вертолете. Согласно договоренности, друзья должны были забрать меня после полудня. Но, по всей вероятности, события развернулись вовсе не по плану...

- На кого работаешь? - прервал он меня.

- На кого работаю? - переспросил я.

- Да! - сказал он, - на кого работаешь, на государство или оппозицию?

- Ни на кого! - ответил я, - Я уже говорил, что моя профессия - археология. Добавлю, что родом я из Афганистана.

- Это еще что за сказки? - сказал он раздраженно, - я наблюдаю за твоей работой с самого заката, с того времени, как ты собирал дрова. Ничем ты не походишь на афганца. Говори правду, кто ты?

- Я уже сказал, что родился в Афганистане. Но уже двадцать лет, как живу вдали от родины. Работаю в Британии, в сфере востоковедческих наук.

- Предположим, я поверил твоим словам, и все же хочу, чтобы ты поклялся всеми святыми.

- Хорошо, - сказал я, - Клянусь всеми святыми на свете, что я - афганец, уроженец северо-восточного Кабула. Последние двадцать лет живу в Великобритании. Не имею никакого отношения к политическим партиям или движениям Таджикистана.

По всей видимости, эти слова немного успокоили его. Он сказал:

- Оттуда, где стоишь, пройди прямо к стене и встань к ней лицом! При этом не смей оглядываться на меня или резко двигаться!

Следуя указаниям, я проделал несколько шагов к стене, встал напротив нее и положил руки на влажные кирпичи. Пришелец двигался за моей спиной. По его шагам можно было определить, что одну ногу он волочил по земле, но я не осмеливался оглянуться, чтобы убедиться в правильности моего предположения. Он прошел прямо к огню и помешал угли в костре.

- Говоришь, ты археолог? - спросил он.

- Да, это так, - ответил я стене.

- Так что же ты сегодня нашел?

- Совсем немного, - сказал я, - обошел всю крепость, определил толщину стен, размеры дверей, окон и тому подобное...

Он сказал уверенным голосом:

- Этим ты с утра занимался. Я ведь на самом деле наблюдал за тобой весь день. Нет сомнений, ты действительно археолог. Но расскажи-ка мне о тех документах, которые ты нашел после полудня, а также о сведениях, которые ты передал своим друзьям коммунистам. Это место вашей обычной встречи?

- Нет-нет-нет! - сказал я, стараясь при этом на миг увидеть его лицо, - Вы ошибаетесь.

- Не поворачивай голову! - приказал он. - Иногда я теряю контроль над пальцем, который лежит на курке, особенно, когда имею дело с коммунистами или им подобными. Дай мне сперва получше узнать, кто ты и что ты здесь делаешь, а затем я скажу, какая участь тебя ждет.

До сих пор меня утешало то спокойствие, которое чувствовалось в его действиях. Но последние его слова звучали холодно. Они напомнили мне, что я, без всяких средств обороны, нахожусь в краю, где закон не имеет особой власти.

- Я клянусь, что не посылал никому никаких сведений! сказал я как можно убедительнее.

- От меня до тебя было всего несколько шагов, - сказал он, - ты достал из стены шкатулку и перевернул вверх дном все содержимое. Затем забрал оттуда что-то и, я уверен, положил туда кое-что другое. Что все это значило? - У меня не было иного выхода, как признаться во всем.

- Вы правы, - сказал я, - по правде говоря, обедая, я заметил на поверхности горной стены шкатулку. Я вынул ее, осмотрел содержимое и вернул шкатулку обратно на место для сохранности.

- То, что ты положил в карман, было микрофильмом? - спросил он.

- Нет, - сказал я, - это были три лазурита, которые я взял на память об этой находке, так как в наших краях такой камень - редкость. Более того, я смогу показать их студентам. И к вашему сведению, я их положил вовсе не в карман, а в коробочку из-под пленки. Если не верите, могу достать из рюкзака и показать их вам.

- Почему ты вернул шкатулку на прежнее место? Разве подобные вещи в вашей работе - не ценная находка?

- Конечно, - сказал я, - если есть возможность переправить их, не повредив. Но эти свитки в плохом состоянии и требуют особого обращения. А меня должны были поднять на вертолет тем же образом, что и доставили сюда – в корзине. Если бы шкатулка упала, документы бы рассыпались в прах.

- Значит ты решил вернуться и забрать их потом?

- Нет, сведения в найденных документах не представляют особой ценности. Большинство из того, что сказано в них, существует и в других источниках...

- Хорошо, я верю тебе, - сказал он, - можешь подойти к костру.

Обернувшись, я увидел мужчину средних лет с волосами до плеч и длинной давно нечесанной бородой. Он сидел у огня. На нем была простая рабочая одежда. Ружья у него не было, лишь огромная палка руке. Указывая на нее, я спросил:

- Этим вы хотели продырявить мне голову?

- Нет, этим! - ответил он, показав на пистолет за поясом под длинным плащом.

- Понятно, - разочарованно пробормотал я.

- А теперь скажи, что ты узнал из чтения тех бумаг, которыми занимался целых полдня? - спросил незнакомец. - За это время ты ни разу не поднял головы, чтобы взглянуть на голубое небо или на красавицу Зарафшан.

- Я прочитал несколько отрывков о Наврузе и том, как его праздновали в этих местах. Большинство из них было написано во время наступления арабов.

- Говоришь, отрывки документов? - спросил он удивленно, - Зачем кто-то хотел сохранить отрывки?

- Судя по всему, времени для их доработки у них не было. Поэтому им удалось спрятать лишь незаконченные документы. Верхние и нижние части многих страниц повреждены или истлели полностью, превратившись в пыль на дне шкатулки.

- И теперь над их восстановлением должны работать специалисты, используя особые методы? – сказал он с иронией.

- Нет, не думаю, - ответил я, не придавая значения его словам, - Многие из их содержания уже известно из других источников.

- А что, если бы я рассказал тебе об одном настоящем Наврузе, - предложил он, - о таком, какой отмечали согдийцы в городах и деревнях вокруг этой самой горы?

- Что может быть лучше? - сказал я. – Но сначала не могли бы вы притащить еще дров, поскольку вы, похоже, хорошо ориентируетесь в этой местности.

- Как же ты собирался провести долгую холодную ночь без настоящего костра? Этот уже почти прогорел.

- У меня самого возникал такой вопрос, - проворчал я .

Слова незнакомца заставили меня задуматься о странной ситуации, в которой я оказался с самого начала, даже до его появления. Действительно, с того момента, как Хуршед и Махпаре завели разговор о своих походах в окрестности горы Муг, со мной начали происходить необычайные вещи. Во-первых, я оказываюсь здесь, на вершине горы, отрезанный от всего мира, во-вторых, нахожу шкатулку с древними документами, и, в-третьих, оказываюсь во власти грозящего мне расправой разбойника.

- Итак, мой друг, - прервал мои мысли незнакомец, придвинувшись поближе - меня зовут Навруз. Я старше, гораздо старше, чем многое из того, что ты видишь вокруг. Чтобы ты имел понятие о моем возрасте, скажу тебе, что лично участвовал на первом празднике Навруза, а затем присутствовал и на всех остальных торжествах на протяжении веков. Более того, без меня не обойдется ни один Навруз. И как ты думаешь, кто по-твоему, лучше Навруза может повествовать о Наврузе?

По мере того, как он говорил, я рассматривал его. Обычный человек со смуглым лицом, с сединой в длинной бороде, с лысиной на макушке и ниспадавшими на плечи

темными волнистыми волосами. Его имя удивило меня, а история с долголетием всерьез насторожила. «Неужели, - подумал я, - мне придется коротать ночь в обществе этого безумного дервиша, утверждающего, что ему тысяча двести лет или того больше?» Я попытался сменить тему:

- Разумеется, вы правы, но давайте вернемся к более насущному вопросу о костре. Дрова уже все прогорели.

- Не думай об огне, - сказал он, - посмотри на небо и скажи мне, что ты видишь.

Окинув взором небо, я ответил:

- Ничего, кроме тьмы и сверкающих звезд.

- Хорошо, - сказал он, - теперь загадай желание, но не говори мне о нем. Уверяю тебя, ты не разочаруешься.

Мне становилось все более не по себе.

- Что все это значит? Вы меня разыгрываете? - спросил я его в расстройстве. Долгое время он не отвечал, и мне стало еще неудобней. Что мне было делать, одному в горах, в это время ночи? Выбора не было. С другой стороны, Хуршед и Махпаре тоже рассказывали поразительные и необыкновенные истории, и я их вежливо выслушивал. Но мой неожиданный гость хватил через край.

Увидев, что я не выказал интереса к его словам, он спросил:

- Ты загадал желание?

«Почему бы и нет», - подумалось мне. Я очутился в фантастической ситуации, и терять мне было нечего. Вспомнив о научных спорах относительно истинных намерений тех людей, которые учредили праздник Навруз как восстановление связи с творцом, я загадал, что хочу увидеть настоящий праздник Навруза. Конечно же, ему я не сказал о своем желании. Вместо этого, я воздел руки к небу, будто пытаюсь обнять всю вселенную, и спросил с иронией:

- Если я вас правильно понял, вы присутствовали при сотворении всей этой карусели?

- Нет! - сказал он категорично, - Я вовсе не говорил этого. Я лишь сказал, что участвовал на первом праздновании Навруза.

- Извините, - сказал я, - но я не вижу разницы.

- Разница огромная, - ответил он, вороша своей палкой в огне: - В начале сотворения еще не существовало людей, чтобы что-то праздновать.

- А огонь был, чтобы они могли согреться после сотворения? - спросил в шутку.

- Тебя так мучает холод? - спросил он, тут же протягивая мне что-то вроде сухого корешка растения: - Возьми это. Пожуй немного и согреешься.

- Что это? - спросил я, разглядывая корень.

- То, что поддерживает меня в самый суровый мороз. Даст тебе энергию. Только жуй не переставая.

Взяв корень в рот, я кончиком языка прижал его к небу.

Он имел вяжущий и горький вкус.

- Это конопля? -спросил я.

- Не знаю, - ответил он, - мне неизвестно, как он называется у вас. Для меня это просто растение. В отсутствие огня, лишь оно отделяет человека от смерти.

Я жевал корешок, и по телу моему разливалось приятное, хотя несколько непривычное, тепло. В голове появилось легкое кружение.

- Этот мир очень древний, - начал он свое повествование,

- Посмотри на этот темный космос, что наверху, и представь, что там, высоко, две вечные силы противостоят друг другу, и разделяет их пустота. Представь, что эти две силы находятся в таком состоянии три тысячи лет, разумеется, три тысячи космических лет. Пока одна не превосходит другую, все остается неизменным, правильно? Именно таково и было соотношение между светом и тьмой в начале Времен. Возможно тебе это трудно представить, но для меня то, о чем я говорю, обычное дело.

Сейчас, прямо со своего места, я вижу полмира. К примеру, я вижу костры, через которые прыгают люди. Разве можешь ты увидеть эту сцену? Разумеется, нет. Для тебя Навруз закончился несколько недель тому назад и наступит вновь лишь в следующем году. Я же живу в постоянном Наврузе... Ну хорошо, я отдалился от темы, - сказал он. Затем, сделав паузу, продолжил: - Все же, я чувствую, что ты должен узнать меня получше. Если ты будешь знать обо мне больше, то больше поверишь в меня. Доверие это основа жизни. Так о чем я говорил? Ах, да! Материя и движение, также как и свет, являются созидательными частями жизни. Как только вечная сила света, придя в движение, сотворила добро, сила тьмы не имела другого выбора, кроме как сотворить зло. Эти две силы вступили в бой, чтобы помешать друг другу сотворить миры, которые бы несли им угрозу . . . Акт сотворения привел к появлению двух божеств. Один из них – бог добра Ахура Мазда, другой - Ангро Манью¹⁹, или Ахриман, бог зла, бог гнева и смерти....

- Но какая связь между тем, что вы сказали и Наврузом?
- спросил я.

- Прямая, - ответил он, - силы, состязающиеся между собой, обычно соприкасаются друг с другом, не так ли? Сегодня это обстоит именно так. Так же было и в начале сотворения. Силы добра и зла вступили в схватку в Великой Пустоте. Добро, в силу своего владения особой молитвой, было увенчано победой над злом и загнало его в глубь своего творения во тьму на первые три тысячи лет. Затем победитель Ахура Мазда вступил во вторые три тысячи лет и создал два абстрактных мира-прообраза. Один - мир истины, другой - мир материи. В начале второго трехтысячелетия, эти два мира были ничем иным, как двумя идеями, двумя идеальными силами, которые Ахура Мазда желал слить воедино в борьбе против неотвратимого нападения Ахримана. Сила жизни,

ожидаемая от этого союза, должна была превзойти силу тьмы...

- Попытаюсь убедиться, правильно ли я вас понимаю, - перебил я. - Скажите, действительно ли ваше повествование о том, что мир, в котором мы живем сегодня, когда-то не представлял ничего, кроме мысленного комплекса?

- Верь в сказанное мною, - ответил он, - в начале этот мир не был ни чем иным, как комплексом идей, порождением мудрости Ахуры Мазда...

- В таком случае, откуда появились мы? - спросил я в удивлении.

- Какой нетерпеливый профессор, - сказал он, - У тебя впереди целая холодная ночь, а у меня - целое длинное сказание. Не торопись! Это не развалины, которые можно точно обмерить рулеткой. И о времени и пространстве мы говорим с точки зрения, тебе незнакомой. Наш разговор о бесконечных временах и необъятных пространствах, пространствах изменяющихся. В этом контексте жизнь, какой ты ее ощущаешь, не что иное, как случайность, она возникла из ничего и опять вернется в ничто...

- Хорошо, хорошо. Так когда же была сотворена эта жизнь, которая, как вы говорите, ничто? - с нетерпением спросил я.

- Нет никакого «когда», - сказал он хладнокровно. - Есть только континуум без начала и конца. Жизнь - всего лишь случайность в пределах этого континуума. Основной вопрос, таким образом, не когда, а в какой последовательности.

- Ладно, - согласился я, - тогда в какой последовательности бог сотворил своих тварей?

- Вот это уже лучше, - сказал он. - Творец, выбрав гармонию и порядок в качестве основы своей созидательной системы, сотворил *Ашу* или *истину*. Таким образом, истина и благо стали точкой опоры для его трудов и мерой всего будущего творения.

- Я не совсем понимаю вас. Каким образом истина и благо могут быть основой общества? По определению...
- О нетерпеливый, - сказал он, - Когда возникает общество, а мы еще до этого не дошли, возникает необходимость выбора между добром и злом. И это нелегкий выбор, должен я сказать. Ведь в большинстве случаев добро и зло выглядят одинаково.
- Здесь вы попали в точку, - сказал я.
- Чтобы избирающий мог сделать правильный выбор между добром и злом, Творец создал Воху Мана или Благой Ум. Сравнивая предметы и явления с помощью знания и разума, Избирающий имеет возможность встать на сторону истины, а не лжи.
- Но я еще не слышал ничего о Лжи. Зло, что, пока спит?
- Верно, но сколько оно может спать?
- Я не знаю. Это вы мне должны сказать.
- Не так долго, как нам того бы хотелось.
- Так что же произошло, скажите скорее.
- Из существа Воху Мана Творец произвел Спента Армаити или то чувство, которое вдохновляет в избирающем благочестие и доброжелательность.
- Почему всякий раз вы называете его избирающим? Почему не человеком, или личностью? – горячо запротестовал я.
- Еще нет личностей, - объяснил он спокойно, - только формы. Как мы можем приписать какие-либо значения тому, чего еще не существует? Творец стремился создать то, что стало называться Хишатро Вориё или священное господство. Это было общество избирающих, наполненное благочестивыми и благими существами.
- Но еще многого не хватает, не так ли? - сказал я, - например, не хватает конкретности. Где конкретность?
- Не на этом этапе, - ответил он. – Это пока то, что я называю Хавурдод, то есть, состояние совершенства. Здесь совершенство порождает совершенство. Другой альтернативы нет. Ахура Мазда выделил это состояние

как *Амурдод* или попирающее смерть. В моем понимании это добро саморождающее, добро, которое производит себя постоянно до тех пор, пока не изживет зла до конца.

- Вы утверждаете, что из Воху Мано было создано бессмертное совершенное общество. Где оно сейчас? - спросил я.

- Ты не должен забывать, - сказал он, - что это «общество» было идеальной сущностью. Второе, что следует иметь в виду, это то, что для Создателя это было пробной попыткой.

- Для чего? Для того, чтобы создать миллиарды нематериальных бессмертных праведных обществ?

- Не будь дерзким.

- Это не дерзость, - сказал я, - я всего лишь пытаюсь понять хоть немного из того, что вы объясняете.

- Тогда задавай вопросы, - сказал он.

- Хорошо! - согласился я, - Исходя из сказанного вами, могу представить себе лишь две сферы, одна из которых светлая, а другая - темная. Светлая сфера готова принять некоторые формы, но темная сфера пребывает в бездействии. Так где же здесь место для людей, таких как вы да я?

- Представление твое вполне приемлемо, - сказал он. - Только я бы сказал, что она готова принять не формы, а «материальную форму».

- Пусть так, - сказал я.

- Что это за ответ: «пусть так», - спросил он разочарованно, - Давай-ка посмотрим на это взором всевышнего. Если ты поймешь, что я имею в виду, никогда впредь не скажешь «пусть». Вместо этого, постарайся выяснить все до конца.

- Так это факт? - сказал я, поймав себя на том, что веду себя как мои студенты, когда они сталкиваются с трудными для понимания темами.

- Да, факт! - ответил он спокойно, и с большим терпением добавил: - Не забывай, что на стороне зла – тьма и

возможность нападения. На стороне Творца – идеальный тварный мир, основанный на Правде, и материальный тварный мир, который пока существует только в проекте и который, воссоединившись с Правдой, станет огромной силой в борьбе со злом. В случае поражения мир погрузится в вечную тьму. Но мы же не можем этого допустить, ведь так?

- Конечно, можем, - сказал я решительным голосом. – То, что вы описываете, в точности моя ситуация. Я имею ввиду эту странную беседу в холоде и темноте. Что еще я могу добавить?

- Ты все замечаешь, - ответил он будничным тоном.

- Но этого же не произошло? - спросил я опять.

- Если бы произошло, мог бы ты этой ночью беседовать здесь со мной? – спросил он весело, делая ударение на слове «ты».

- Очевидно, нет, - сказал я и спросил: - так что же случилось в итоге?

- Древние люди, - продолжил он, - имели довольно мощное воображение – то, чего не достает нынешним поколениям. Я бы хотел, чтобы ты, подражая древним, представил созидание материального мира Творцом, так же как они представляли положение звезд в виде льва, скорпиона, овена и т.д.

- Как я могу это сделать? - спросил я, - У меня глаза просто сами собой закрываются.

- Тогда прекрати на время жевание корня! – сказал он.

- Хорошая мысль, - согласился я. - Кажется, этот корень не только греет.

- Не усердствуй особо с ним! - сказал он дружески и продолжил: - Это небо походит на перевернутую чашу, не так ли?

- Так, - ответил я.

- Если бы ты мог пощупать небо так же, как я его щупал, уверен, ты бы согласился с тем, что материал его тверд и очень похож на металл. Действительно, Ахура Mazda

сотворил его из блестящего металла, чтобы оно могло стать крепким щитом против Ангро Манью.

- Значит, небо является одним из главных творений Ахуры Мазда? - спросил я.

- Конечно! - сказал он. - Небо есть первый шаг в цикле творения, и суть его заключается, во-первых, в защите мира от зла; во-вторых, в поддержании солнца и луны наверху, дабы они не упали сверху на землю.

- Кто не упал сверху? - повторил я, - что это значит?

- Создатель прибил Солнце и Луну на небо гвоздем, чтобы предотвратить их падение.

- Гвоздем? - рассмеялся я и тут же спросил: - Умоляю, скажи мне, а чем плоха была та защита, которая существовала раньше? Я имею ввиду пустоту.

- Позволь ответить на твои вопросы по порядку, - сказал он официальным тоном. - В Пустоте могли действовать обе силы, но Ахура Мазда хотел устранить навечно зло от добра, отсюда причина создания неба. Луна и Солнце прикреплены к небу гвоздем, что имеет место и поныне. Для тебя гвозди - статичные предметы, которые препятствуют движению. Это не всегда верно во всемирном масштабе. Подумай о гравитации и ее роли во вселенной. Также подумай о связующей силе любви и доверия.

- Хорошо, - сказал я, - Полагаю, что могу вам доверять, если вы согласитесь, что рассказываете легенду.

- Может то, о чем я рассказываю, для тебя звучит как легенда, - сказал он, - но для меня, который был близок к событиям, это не что иное, как факт.

Когда он так говорил, я невольно содрогался. Было ясно, что у него в голове не все в порядке, но не ясно было другое - что станет со мной на данном этапе жизни, от настоящего момента и до утра. Я чувствовал, что лучшей тактикой будет не перечить ему и надеяться, что ночь пройдет без событий. Мягким тоном, растягивая гласные, я спросил:

- Ладненько, так что у нас там было дальше?

- Ты теперь решил мне не перечить? - сказал он с сарказмом.

- Ну что вы, и в мыслях не было, - возразил я не вызывающим сомнений голосом, - Я верю каждому вашему... второму слову.

- Не дурно сказано, - засмеялся он.- Так вот, как и в случае с идеальным творением, все созданное Творцом было сотворено из субстанции небесного щита. Он сотворил воды из вещества неба, а землю из вещества воды. Растения были созданы вслед за водой и покрыли всю поверхность Земли. И каждое из последующих созданий имело суммарную силу всех предыдущих и таким образом превосходило их. Священный белый телец, созданный после растений, превосходил все, созданное до того момента, поскольку мог двигаться, а человек, созданный после тельца, превосходил всех и вся. Он был наделен речью и разумом.

- Наконец мы достигли истока всех теорий: человек – венец творения...

- Нет, никоим образом не венец, - возразил он, - может быть, он находится на втором месте, что, кстати, тоже спорно. Человек слаб перед злом и ложью, и Ахура Mazda знал это лучше всякого другого. Ему был нужен воин непобедимый.

- То есть, вы намекаете на пророков, например, Заратустру, не так ли?

- Нет! - ответил он, - Пророк Заратустра появится гораздо позже. Я говорю о силе, объединяющей многие грани двух миров Ахуры Mazda,.

- Вы и раньше говорили об этих собирательных силах, - заметил я нетерпеливо, - Имеете ввиду физический мир?

- Его, но не только, - сказал он примирительным голосом,

- Я говорю о нематериальных силах, созданных Ахурой Mazda для процветания материального мира...

- А что это за силы? - спросил я, надеясь услышать конец лекции и убедить его сходить за дровами.

- Я имею ввиду святых бессмертных, которые наполняют мир справедливостью и правдой, миром, здоровьем, красотой и радостью.

- Понятно, - сказал я, не имея ничего больше добавить.

- И это ведет нас к вершине творений Ахуры Мазда, к элементу, объединяющему его духовный и материальный миры и восстающему против Лжи. Помнишь?

- Вы имеете ввиду Истину, не так ли?

- Именно так. - ответил он. - Создав оба мира, Ахура Мазда был вполне доволен. Небо защищало его творение, а Истина, как энергия хорошо организованной жизни, пронизывала все его части. Под покровом неба росли растения, которые питали животных. Человек, возвышавшийся над всем сущим, вел спокойную жизнь, умножая благо и уменьшая зло. Малейшее прирастание блага за счет зла было вдвойне выгодно. Оно не только увеличивало сферу блага, но и уменьшало сферу зла.

- Повезло, - с иронией сказал я.

- Да, - ответил он не обращая внимания на мои слова. - Разумеется, зло не пребывало во сне вечно. Так вот, оно проснулось и, увидев, насколько преуспел созданный Ахурой Мазда мир, поклялось разрушить его. Оно прорвало дыру в небе и проникло в сотворенный мир Ахуры Мазда. Затем осквернило чистые воды, отравило растительность, убило священного тельца и первого человека.

- Конец сказания, - сказал я заключительным тоном и добавил: - Теперь можно развести огонь?

- Профессор, не торопи событий! - сказал он, - Пожуй еще немного корня, быть может, ты станешь терпеливее. Что касается моего сказания, то я его еще не начинал. А что касается огня, то я разведу другой огонь. Я намереваюсь развести огонь в твоём сердце, который очистит его от пыли веков, оставшейся от предыдущих поколений, и даст тебе незамутненный и кристально чистый взгляд, умеющий различать дела Правды. Я покажу тебе то, о

чем свитки хранят лишь слабое упоминание. Конечно же, я могу сделать это только при твоей помощи. Ты должен показать, что полностью доверяешь мне.

- Не сомневайтесь! - сказал я, - Я вам верю целиком и полностью...

- Я хочу верить тебе, - сказал он задумчиво, - но, в тоже время, я вижу, что твоя вера в меня равна вере Ахримана в себя и свою разрушительную силу Он верил, что может проникнуть в мир Ахуры Мазда, разрушить его и скрыться...

- И он действительно сделал это? - спросил я.

- Разрушил, но скрыться ему не удалось, - ответил мой собеседник.

- Почему?

- Истина победила, вот почему. Помнишь, я говорил, что Ахура Мазда преисполнил ею свой мир. В конце концов она оказалась более сильной, чем разрушительная сила Ахримана. Другими словами, пока Ахриман разрушал, Истина чинила прореху в небе. Ангро Манью не смог найти прежний выход и навечно остался в заключении под плотным небом Ахуры Мазда.

- Вот так вы решаете вопрос существования зла?

- Можно сказать, что да, - ответил он.

- Признаться, - сказал я, шутя, - я и сам чувствую себя заключенным в царстве дьявола, не зная, где я и с кем.

- Настанет время, поймешь! - сказал он обнадеживающе.

Я продолжил жевать корень и опять ощутил прилив тепла, а в добавок к этому небывалую уверенность в себе. Я стал более открытым и разговорчивым, чем когда либо раньше..

- Выходит, по вашим словам, первый человек и все, что Ахура Мазда сотворил для поддержания его жизни, было уничтожено. Так как же объяснить существование и, более того, размножение людей в настоящем мире? Мы же с вами находимся здесь? Или нет?

- Несомненно, - сказал он, - Здесь понадобилось чудо. Солнце очистило семя первого человека, которое затем было взято на луну. Оно вернулось на землю в виде растения, называемого ремень...

- Какая нелепость! - возмутился я. - Вам не кажется, что такое объяснение несколько умаляет человечество?!

- Поверь мне, - сказал он, - шутки тут ни к чему, это был небесный ремень с двумя ветвями, исходящими из одного корня.

- А потом вы конечно, скажете, что одна из них - это мужское начало, другая - женское!

- Молодец, - поддержал он, - именно.

- И выходит, все мы - дети ремня?

- Все вы, - поправил он, добавив: - разумеется, дети небесного ремня.

- А как же вы сами? - допытывался я, - или же вы сделаны из другого теста? Хотя... простите мне мою дерзость. - прекратив говорить, я подтянул колени к груди, чтобы сохранить больше тепла.

- Знаешь, сынок, - сказал он с некоторым вызовом, - я не ищу твоего одобрения или же неодобрения. Тему Навруза затронул ты сам, вспомнив о свитках. Я отдаю себе отчет, что тексты содержат изъяны, но не по вине писцов и тех кто предоставил им сведения, а скорее вследствие неизбежных изменений в культуре. Короче, зная, как ты воспринял сведения, содержащиеся в свитках и какие последствия могут быть для будущих поколений, я лишь решил пополнить твои знания.

- Я же извинился. Нет необходимости выговаривать мне. Я действительно не думал, что простая шутка так вас расстроит.

- Я считаю, что это вовсе не шутка. Настоящей шуткой было бы, если я оставил тебя одного на этой горе без огня до самого утра.

- Искренне сожалею обо всем сказанном мной, - повторил я, добавив: - и все-таки, часть вашего повествования не

понятна мне. Я не могу разобрать, как мы, смертные, общаемся с творцом

- В молитвах. - ответил он.

- Это как? - спросил я, - Непосредственно?

- Нет. Это происходит по определенному божественному чину, - пояснил он.

- Я не знаю ровным счетом ничего об этом, - сказал я,

- Видишь ли, каждый человек обращается к своей Фарахваши (душе), а та, в свою очередь, обращается к соответствующей Язата. Чему вас в школе учат?

- Ну уж не этому, - ответил я с иронией, - Во всяком случае в не моей школе. Но скажите мне, сколько существует Фарахваши и сколько Язата?

- Число душ во всякое время равно количеству верующих. А что касается Язата, то их количество более ограничено.

- К чему же такое множество богов? – спросил я, – Почему не один?

- А потому, что дела рабов божьих не так просты, и чем тоньше желания и молитвы людей, тем сложнее специализация богов.

- А что случается с молитвой после того, как она попадает к Фарахваши? – спросил я.- Она отсылается к соответствующей Язата, которая в свою очередь, передает ее соответствующей Спента. И только после этого Ахура Мазда умпостигает молитву и отвечает как считает нужным.

- Навруз-ака²⁰, - сказал я, - вы замечательный рассказчик. Я считаю великой для себя честью находиться здесь и слушать ваши рассказы.

- Благодарю, но я не нуждаюсь в твоей похвале, - сказал он с досадой, - важно, чтобы ты верил мне. Я воспринял твои слова всерьез, когда ты сказал, что хочешь расширить свои знания о Наврузе, а потому и решил, что смогу помочь тебе лучше понять собственные традиции,

какими они были, а не какими дошли до вас через небезпристрастных посредников и толкователей. Которые, следует отметить, были полны лучших намерений, но которые заблудились в попытке найти истину.

- То, что вы говорите, вполне справедливо. - сказал я. Затем добавил: - Я было, думал, мы уже решили эту проблему .

- Значит, ты веришь мне? - спросил он.

- Конечно верю! - ответил я, - Разве я имею выбор?

- Ах вот как, - сказал он. - Не думаю, что мы с тобой видим вещи одинаково.

- Что мы можем вообще видеть? - пробормотал я. - Я вижу только темную говорящую тень. Я не могу понять, почему нельзя развести огонь. Кого вы опасаетесь, солдат или хищников, или еще кого-то?

- Я прекрасно все вижу, - сказал он. - Вон течет красавица Зарафшан, синяя как обычно. Небо почти безоблачно, звери и птицы заняты своей жизнью. Людей меньше, чем днем, но кое-кто, там, внизу, еще не спит и занимается своими делами.

- Неужели ваши глаза видят в темноте? Или может быть у вас очки ночного видения?

- Нет. - сказал он. - Я победил тьму Ангро Манью, ты же нет. Мы с тобой принадлежим разным мирам.

- Правильно ли я понял, что раз вы не нуждаетесь в тепле и сне, я должен теперь страдать?

- Вовсе нет! - прервал он, - Тебе нужно лишь довериться мне, тогда свет озарит и тебя.

- Вы что, жрец храма огня? - выпалил я.

- Нет, - ответил он, - я же сказал, что зовут меня Навруз и живу я обычно вдали от городов, на лоне природы.

- Вы весь день наблюдали за мной, а значит, видели и слышали, как я записывал содержание свитков на ленту.

Почему же вы не показались мне тогда, когда я мог увидеть ваше лицо?

- Потому, что не был уверен в тебе, - дружески сказал он.

- Сюда для исследования этих развалин приезжает множество ученых. Некоторым из них удается находить важные сведения о прошлом, частью которой являюсь я сам. Но у меня есть чувство, что в тебе есть нечто, что может послужить основой для взаимного доверия.

- Чем же я отличился? - рассмеялся я.

- Ты вернул шкатулку на прежнее место, тщательно запечатав ее. Ты сохранил то, что другие бы взяли.

- Но я сделал это только потому, что не имею средства для ее транспортировки. То есть не могу забрать с собой свитки, не повредив их, - сказал я.

- Может быть, - сказал он, - но ведь мы оба знаем, что шансов вернуться и забрать шкатулку нет никаких. Ты искренне интересовался Наврузом, а не гнался за мимолетной славой, чтобы заполнить уголок в одном из музеев свежим экспонатом. Потому ты и записал сведения, полученные из свитков, пусть даже недостаточно полные.

- Это и есть основание для вашего доверия ко мне? - удивился я.

- Не только. Ты не знаешь да и не можешь знать, что ты и я, а точнее наши семьи знакомы вот уже несколько столетий. Ты приходишь из крепкой туранской семьи...

- Ну не знаю! - прервал я в раздражении, - Вы можете отнести мой род к происхождению арабскому или же монгольскому, но к туранскому!?!...

- Да, к туранскому! - повторил он, и тут же спросил: - Почему подобное известие так рассердило тебя?

- Рассердило? Вы называете меня туранцем и ждете, чтобы я был спокоен?!

- Не обижайся. Я имел ввиду не именно тебя. Позволь мне продолжать.

- Пожалуйста, - ответил я, все же немного обиженный, - И не надо меня утешать. Я не ребенок.

- Я не беспокоюсь по поводу твоих чувств. И не считаю, что я должен это делать. Я считаю, однако, что я должен разъяснить тебе некоторые факты. Ты нуждаешься в наставлении более, чем я изначально предполагал.

- Не думаю, - возразил я, - в чем я давно уже не нуждаюсь, так это в нравоучениях. Я - профессор и если понадобится, сам как-нибудь разберусь.

- В таком случае, - сказал он, - если ты так учен, перескажи-ка свою родословную с самого начала!

- Что значит с самого начала? - растерялся я.

- Это значит, - пояснил он спокойно, - с времен творения, через мифическую и древнюю эпохи, по настоящее время, где ты являешься афганцем, а точнее - афганским англичанином. Или, может быть, британским афганцем?

- К сожалению, - признался я, - мои знания не простираются так далеко в прошлое...

- Откуда же тогда такая бурная реакция?

Не найдя ответа на этот несложный вопрос, я смущенно промолчал. И наконец, сказал:

- А что, если вы сами изложите историю моей родословной?

- Я и хотел это сделать! Разве не так?

- Да, да..., я весь внимание, - сказал я виновато.

- Так слушай. Благословенное правление Фаридуншаха подходило к концу. Целых два года длился спор о разделении Ирана в наследство трем сыновьям шаха. Правитель распорядился так, что каждому из сыновей достанется часть от царства, но не сказал, когда и какую часть они получают. Когда, наконец, наступил обещанный час, Ирадж, младший сын Фаридуна, унаследовал основные владения и трон. Западные владения Хазара²¹ достались Салму, а восточные владения – Туру, чьему клану принадлежала и твоя семья. Не прошло после этого и месяца, как Тур собрал людей и отправился в свой удел.

Твои предки, жившие тогда в Шуше, последовали за ним. Спустя шесть месяцев, весь род Тура осел в своих владениях по соседству с кочевыми турками. Таким образом, земли Иссыккуля, а точнее Чулпан Ата, стали местом проживания твоего рода. Кстати, я забыл спросить, бывал ли ты в Чулпан Ата?

- Нет! - ответил я.

- Тебе обязательно нужно съездить туда - там настоящий твой дом.

- А чем мои предки занимались в Чулпан Ата? - спросил я.

- Твой род руководил Тюркским ведомством, неофициальным органом, который ведал делами туранского народа и связями с соседними турками.

- Как занимателен ваш рассказ! - воскликнул я, - скажите пожалуйста, как долго мои отцы возглавляли это дело?

- Довольно солидный промежуток времени, - сказал он, - до постройки Сиёвушгирда.

- А где же находится Сиёвушгирд? - спросил я.

- Близ современного Хотана, - ответил он. - Как тебе известно из истории, Кайкавус послал своего сына Сиявуша на битву с Афрасиябом, чтобы отомстить за кровь Ираджа, несправедливо убитого его же братом Туром. Но встретившись с туранцами, которые по своему происхождению были одной с ним крови, Сиявуш не пожелал воевать с ними и с помощью Пирана достиг перемирия с Афрасиябом. Кайкавус, узнав это, возмутился и, объявив перемирие недействительным, приказал Сиявушу провести войска Ирана через реку Аму, уничтожить туранцев и захватить Афрасияба. Сиявуш не повиновался приказу отца, а потому вошел в Туран в качестве политического беженца. Здесь он женился на дочери Пирана, а затем и на дочери Афрасияба, Фаркангиз. Для нее он и построил Сиявушгирд, который стал оплотом туранцев на востоке. Твои предки прибыли в Сиявушгирд из Чулпан Ата

именно в это время, дабы способствовать укреплению города и участвовать в иранских вылазках против турков.

- Что же тогда стало с их ведомством в Чулпан Ата?

- Турки, войдя в Чулпан Ата, заняли земли.

- Вы действительно много знаете о моей родословной,- сказал я.

- Надеюсь, достаточно для того, чтобы завоевать твое доверие.

- Но я действительно верю вам, - искренне признался я.

- Правда? - спросил он недоверчиво. - Если это правда, тогда, пойдём, спустимся к реке Зарафшан.

- Как? - удивился я, - Прямо сейчас?

- Да, сейчас, - последовал ответ.

- Но я не могу ничего разглядеть в этой темноте!

- Это не страшно. Я вижу все и буду тебя сопровождать.

- Не знал, что так придется расплачиваться за признание в доверии к вам, - сказал я, - иначе я бы ответил по-другому.

- Ты ведь все еще не знаешь, кто я на самом деле, не так ли?

- По крайней мере, вы рассказали мне довольно занимательные истории, - отпарировал я, - И тем не менее, ни одна из них не убедила меня настолько, чтобы заставить спуститься в эту темную пропасть. Ведь там меня поджидает не что иное, как смерть!

- А что, если я расскажу тебе про твои афганские корни? - сменил он тему.

- Попробуйте, - ответил я.

- После того, как Кайхусрав занял Туран, твой род, как и все многие другие, принял участие в путешествиях шаха. Кайхусрав посетил много земель и в каждом из малонаселенных мест поселил по несколько семейств. Так например, вашу семью он оставил в Самангане, где они жили с тех пор. В царствование Гуштасба они стали горячими последователями пророка Заратустры.

- Все это весьма занимательно, - сказал я, все еще сомневаясь, - и все же, это не более, чем просто легенда или сказание. Более того, разве все подобное не применимо к каждому иранцу, таджику или афганцу? Ведь вы не сказали ничего, что могло бы касаться моей семьи лично, и что бы я мог подтвердить.

- А если скажу, поверишь?

- В всяком случае это будет шаг в нужном направлении, - ответил я, продолжая: - Вы уже превратили меня из полного скептика в сомневающегося.

- Вот как, - сказал он. Затем, несмотря на то, что я ему не представился, обратился ко мне по имени: - Послушай, Пирзад, я вовсе не собирался исследовать твое фамильное древо, но, увидев твою реакцию на слово Туран, понял, что должен уточнить отдельные моменты, дабы ты так не горячился. Видишь ли, этническую принадлежность не следует скрывать, её необходимо изучать, выявлять и понимать.

- Полностью согласен с вами, - ответил я, - но сегодня это различие не признается; все турки считают себя туранцами.

- Даже если и так, что тут такого? Разве по паспорту ты не британец афганского происхождения? Значит ли это, что ты предпочитаешь быть британцем?

- Вовсе нет, - ответил я, не желая показывать свое удивление. Я не говорил ему о себе ровным счетом ничего, однако он имел предостаточно сведений обо мне. Я спросил:

- Разве я говорил вам о моей национальности?

- Думаешь, в этом была необходимость? - сказал он.

- Я уже ничего не понимаю, - признался я, - совсем ничего.

Чем дальше он говорил, тем более я удивлялся.. Конечно, всякий, кто знаком с древней историей Средней Азии, смог бы изложить те же легенды, которые рассказал он. Но откуда он мог знать мое имя, сведения о моей национальности и моем паспорте? Ведь я не посвящал его в

малейшие подробности своей жизни! Неужели он вывел это из нескольких слов, сказанных мною? Откуда ему было знать о моем происхождении из Мазари Шариф, что находится в древнем Самангане? Неужто у меня до сих пор сохранился акцент?

- Хорошо, - согласился я, - Я все понял.

- В таком случае, пройдешься со мной по берегу Зарафшана? - снова предложил он по-дружески.

- Видите ли, - произнес я, почти умоляюще, - я полностью доверяю вам. Но прошу понять меня правильно, мой разум все еще не позволяет мне ступить по доброй воле в пасть смерти.

- Не надо драматизировать. - возразил он, - Я вижу, что должен очень постараться, чтобы ты мог доверять мне, как ты доверял своему отцу.

- Что значит «доверял». С ним что-то случилось?

- Дитя мое, - сказал он, - В гостинице «Таджикистан» тебя ждет письмо. Оно содержит известие, которое к сожалению, нельзя назвать добрым.

- Нет необходимости пугать меня, - сказал я, встревоженный, - я и так достаточно напуган. С того момента, как я услышал ваш голос, покой покинул меня. Ради бога, оставьте меня.

- Как я могу оставить тебя, когда мы уже так близки к пониманию? Я ответил:

- Я же сказал вам. Вряд ли что-либо может убедить меня поставить под угрозу свою жизнь. Вы меня вовсе не убедили своими темными историями.

- Возможно, для тебя они темны, - сказал он, - но для меня они сушая правда.

- И вот что, - добавил я, - прошу не называть меня сынком. Мы с вами ровесники.

- Неужели? - съязвил он, - Как же тогда случилось, что ты не прошел испытания? Турки, о которых ты говоришь так снисходительно, знают свою родословную хотя бы до седьмого колена. И все же, позволь спросить: разве твой

прадед не отправился вместе с эмиром Амануллой в Европу?

- Верно, - согласился я. - Действительно, это решение прадеда и было единственно важным в жизни деда. А если подумать глубже, то и в жизни отца тоже.

- Обрати внимание на сказанное про своего отца; ты сам употребил прошедшее время.

- Пусть будет так, но я вовсе не имел ввиду то, что подразумевали вы. Кроме того, вы не сообщили мне ничего, касающегося меня лично, того, что известно только мне.

- Ведь ты и не просил.

- Но важнее другое, - сказал я. - Почему вам так необходимо мое доверие?

- Я хочу показать тебе, как желание человека достигает Бога и возвращаются назад - то, чего не лицезрел никто из смертных.

- Навруз-ака, если конечно, вас действительно так зовут. Вы шутите?

- Это не шутка, - ответил он. - То, что я говорю - сама истина.

- А что, если я не захочу пойти с вами?

- Об этом мы и говорим.

- Некоторым образом, - сказал я и замолчал.

- А теперь о том, что известно только тебе, - начал он. - Помнишь, когда тебе было пятнадцать, ты вместе с детьми играл у мельницы? Тогда тебя унесло рекой, и так как ты не умел плавать, течение подхватило тебя и потянуло в водоворот у моста. Ты ушел в глубину. Очнувшись, ты обнаружил себя на берегу реки, ухватившимся за ветви поваленного дерева. Припоминаешь эту сцену?

- Припоминаю, - сказал я, устремив взор в темноту и пытаясь увидеть его.

- Как ты это объясняешь?

- Не знаю. Я знаю только, что меня подхватила какая-то сильная рука, и очнувшись, я увидел, что держусь за ветвь дерева. То была ваша рука?

- Я этого не говорил, - сказал он сухо. - Я лишь напомнил тебе этот случай. А еще, когда тебе было девятнадцать, ты часто встречал у ворот своего дома некую красивую женщину в парандже. Вместе вы шли по темной аллее, ведущей к дому, и однажды под покрывалом оказался муж твоей подруги. Ты начал кричать...

- Хорошо, довольно! - вскричал я и задал последний вопрос: - помните ли вы мой последний настоящий праздник Навруза?

- Помню, - ответил он.

- Расскажите мне о нем.

- Что тебе рассказать?... Проживал ты тогда в общежитии Кабульского университета. Накануне Навруза, не взирая на недостаток денег, ты помог своим товарищам по комнате. Из Мазари Шарифа тебе прислали узелок с одеждой, но ты решил не носить ее. Обувь твоя протекала, носки были порваны. . .

Навруз говорил правду. В крайней растерянности я спросил:

- Откуда у вас вся эта информация?

- Я знаю, и все тут, - ответил он, затем встал с места. - Всю оставшуюся ночь тебе будет тепло. А я пойду.

- Куда?

- Настало время вернуть тебе твой огонь. - Сказав это, он помешал золу своим посохом. Вспыхнул огонь, мне стало уютно и тепло. В свете огня мне удалось его разглядеть, он казался необычайно высоким. Я обратился к нему: Теперь, когда ваши слова убедили меня абсолютно довериться вам, вы собираетесь уходить?

- Это правда? - спросил он, - Ты действительно теперь веришь мне? - Затем, засыпав вдруг огонь золой, добавил:

- Тогда пойдем.

Вопреки своему рассудку, я протянул ему руку. Ладонь его была горячей, а сам он - намного выше, чем я представлял. Самым странным из всего происходившего было то, что он ничуть не походил на того человека, которого я видел раньше. Передо мной сидел не прежний мужчина в простой рабочей робе. Навруз Ака был одет в изысканные одежды, на голове была бахтиярская шапочка, и лицо его излучало свет.

Когда я в изнеможении встал, все тело мое было в состоянии онемения, и вдобавок кружилась голова. Прежде чем сделать шаг в темноту, я, собрав все силы, ухватился за руку Навруза, и мы пошли. Почва под ногами вначале была совершенно твердой, но по мере продвижения становилась все мягче. Было ощущение, будто мы ступаем по болоту. Спустя некоторое время, это ощущение сменилось чувством погружения на дно той самой пропасти, которую я видел ранее. Меня охватило странное чувство, и я потерял сознание.

Придя в себя, я ощутил, что Навруз сверхъестественно вырос. Более того, я уже не держался за его руку, а стоял на его широких плечах, уцепившись за его волосы. Страх упасть с высоты, прежде охвативший меня, теперь уже сменился ощущением полета на дельтоплане, приближавшемся к самому сердцу тьмы.

-Ты ведь хотел участвовать в настоящем празднике Навруза, - сказал Навруз-ака. - Сейчас я готов осуществить твою мечту. Но прежде чем приступить к этому делу, должен напомнить некоторые важные моменты. Во-первых, ты земное существо, которому разрешили увидеть существа небесные и их дела. Поэтому многое из того, что ты увидишь, будет требовать пояснения. Иначе тебе будет сложно понять, через какие инстанции проходит твое желание, независимо от того, будет оно принято или отвергнуто. Во-вторых, ты должен знать, что если твое желание достигнет самых высот Благого, ты не сможешь увидеть самый решающий момент. Белый свет Благого так

ярок, что может вмиг ослепить простого смертного. Немедленно закрой глаза, если он будет направлен на тебя. В-третьих, по окончании всего действия ты либо окажешься в самой гуще желаемого тобой, либо останешься в темноте, из которой ты вышел. Решение Благого будет окончательным решением.

Я задумался, не зная, что предпринять. Затем, положившись полностью на Навруза-ака, сказал:

- Мне уже все равно, где я и куда направляюсь. Я доверяю вам абсолютно.

- Значит так, - распорядился Навруз-ака, - настрой себя на то, чтобы признать решение, вынесенное Благим.

- Как долго выносится решение? - с любопытством спросил я.

- Может быть, быстро, но я уже говорил, что все мечты и желания рассматриваются с наивысшим вниманием.

По мере того, как мы беседовали, абсолютная тьма вокруг нас постепенно стала рассеиваться и приняла светло-пурпурный цвет, с миллионами точек, мелькающих, как звезды.

- Мы теперь находимся там, откуда все желания и молитвы берут начало своего пути к Благому, - пояснил он, добавив: - Хотя ты не можешь увидеть свое желание, должен сказать, что твоя мечта проходит через этот этап совершенно беспрепятственно.

- По-вашему, моя просьба будет отвечена? - спросил я.

- Не могу знать. Это лишь первая ступень, где как видишь, миллионы душ возносят свои земные желания к небу.

- Странно, но как я ни пытаюсь, я не могу увидеть лучей. Или я не вижу?

- Да, это так, - ответил он. - Помнишь, я говорил, что этот уровень находится прямо над уровнем, где обитают верные. Сюда доходят все молитвы и просьбы без исключения. Здесь многие из них отвергаются и остаются бесплодными.

Я спросил:

- Знаю, что не в моих силах различить среди этих точек свое желание, но ведь вы, Навруз-ака, можете увидеть, сбудется ли оно?

- Не вижу необходимости гадать, ты скоро сам все узнаешь.

Пока мы беседовали, пурпурный цвет сменился голубым, кругом мелькали белые точки.

- Чувствую, что мы достигли следующей ступени. Скажите хотя бы, прошла ли моя мечта первую ступень?

- У твоей мечты есть шанс.

- И много еще предстоит ступеней?

- Эти две, что мы миновали, всего лишь самые нижние в лестнице. На высших уровнях отказы более вероятны.

По мере того, как Навруз говорил, голубой цвет превратился в ярко-красный, а белые точки приняли форму серебристых лент.

- Я думал, у меня простое желание.

- Простых желаний не бывает, - сказал Навруз-ака. - Все желания одинаково важны и оцениваются по равным критериям. Некоторым из желаний, как ты уже видел, не дано продвинуться выше первого этапа. Это значит, что пока человек не заработал необходимых баллов для осуществления своей мечты.

Красный цвет не преобразовался в другой, как я предполагал, а на моих глазах к нему примкнули пять других красок - оранжевый, зеленый, серый, желтый и золотой и слились воедино. Тогда Навруз сказал:

- Помнишь, я говорил о встрече с Благим? Вскоре эти краски вместе образуют яркий белый цвет. Прошу тебя, закрой глаза и не открывай их, пока не вернется красный цвет.

Я с нетерпением спросил:

- И как долго это продлится?

- Столько, сколько будет нужно, - ответил он. За это время все дошедшие желания и мечты будут рассмотрены

и удостоены ответа. Затем белый свет опять превратится в цвета, составляющие его, носители решений.

- То есть, решения Благого будут переданы помощникам, которых представляет красный цвет?

- Да, это так, - сказал Навруз-ака.

Побывав на миг в психоделическом море красок, я с неудовольствием погрузился опять во мрак, сопровождавший меня от самой горы Муг. К счастью, ожидание не было долгим.

- Я уверен, - сказал Навруз-ака, - что ты с нетерпением ждешь возвращения красного света. Можешь открыть глаза.

Открыв глаза, я увидел, как красный цвет, отделившись от других красок, постепенно превратился в голубой, а затем в исходный пурпурный. Когда я уже хотел было спросить у Навруза, принято ли мое желание, весь воздух пропитался густым запахом белой акации, одновременно превращая пурпурный цвет в нежно белый. Мы стояли у тихого озера посередине зеленой долины. Окинув взором долину, я поразился ее очертаниями. Она походила на чашу, по краям которой возвышались покрытые снегом горные вершины. Сама долина была довольно широкой, особенно по левую сторону озера. Ее покрывали гигантские камни, деревья и трава.

Моя краткая прогулка по миру Блага изменила мой взгляд на материальный мир, и теперь я мог не только реально представить происходящее вокруг, но и участвовать в событиях, далеких и близких. События, не осознаваемые ранее, теперь казались мне совершенно естественными и знакомыми. Например, я мог легко отнести лучи светло-голубого к водам, светло-зеленого - к деревьям, серого - к земле, камням и горам. Я мог соотнести все в долине, включая людей, с таинственными лучами цветового спектра.

- Благо - это источник жизни? - спросил я.

- Нет, - ответил он, - Благо это Благо. - Я был рад увидеть высший мир в таких ярких и живых красках, -

сказал я и добавил: - я еще более рад видеть эту долину, которая так напоминает мне дом, хотя и находится так далеко от дома.

- Это и было моей целью - показать тебе все ступени мира Блага, чтобы научить тебя отличать духовное от материального. К примеру, теперь ты видишь, что все материальное в мире окутано аурой, которую ты воспринимаешь как свет.

- Удивительно то, что живя всю жизнь именно в этом материальном мире, я был в неведении относительно свойств духовного мира. Теперь, увидев его воочию, я перегружен информацией. Например, глядя на светлые формы, выходящие из тьмы, я видел только один белый луч. Почему это?

- Потому что существует только один белый луч на каждом отрезке времени.

- Но я не вижу соответствия между ярким светом Блага и другими цветами, которые я видел во время нашего путешествия.

- Подожди немного, увидишь. -

Тут появился луч ослепительно белого света, которые полился в самую середину долины. Другие лучи, которые я видел прежде, также, появившись в долине, разместились в определенном порядке вокруг луча белого света. Ни один из цветных лучей не был так ярким, как лучи небесной ассамблеи. Затем произошло то, что казалось вовсе непостижимым разуму: будто чудом лучи начали меркнуть, и постепенно из них возникли человеческие фигуры, сохранявшие порядок расположения лучей. Затем они направились к праздничному столу на берегу озера. Я вдруг заметил его, так как до этого громадный силуэт Навруза заслонял вид.

- Ты видишь связь? – спросил Навруз-Ака.

- Да, но кто эти люди? - спросил я.

- Очень скоро ты все о них узнаешь. - ответил он.

Перед столом возвышался усыпанный драгоценными камнями трон. Над тронном находилась сверкающая корона, которая казалось, висела в воздухе. Белый свет, который в человеческом своем образе был похож одновременно на Навруза и на древних царей Месопотамии, воссел на трон и, надев на голову корону, приветствовал собравшихся. Они, в свою очередь, откликнулись в таком воодушевлении, которого мне еще не приходилось встречать. Всеобщая радость заметным образом сгустила нимб вокруг царя, и свет его вознесся до неба. Подобные лучи исходили и из толпы людей, освещая долину и небо над ней.

- Это Джамшедшах? - спросил я.

- Это носитель белого света. - пояснил Навруз. У него нет определенного имени.

- Но вы сказали, что это первый Навруз. Значит, он либо Каюмарс, либо Джамшед. - настаивал я.

- Я не говорил, что это первый Навруз. - сказал он. - Я сказал, это - постоянный Навруз. - Это сцена вечного возрождения. Вышедший из белого луча - это тот, кого Благой выбрал правителем от имени Создателя.

- Я об этом и говорю! - воскликнул я, - Вы подтвердили мои слова.

- Ничего подобного, - возразил Навруз, - Я надеялся, ты оставил свитки на горе Муг.

- Я действительно оставил, - сказал я.

- Ты оставил лишь материал, а содержание все еще при тебе. Оно затемняет твой ум и твоё зрение.

- Я уже совсем запутался.

- Сконцентрируй свои мысли на существенном, как я тебя учил.

- Хорошо! - сказал я, - Не могли бы вы объяснить, как мне это все понимать?

- В разные времена, - сказал Навруз, - в зависимости от их способности исполнять распоряжения Благого, носители света наделяются различной силой и могуществом. Так например, носитель голубого цвета

ведает океанами, морями, реками и озерами. Жизнь вод и всего, что в них, находится в его руках. Если он слабеет, его царство страдает. Оно становится добычей засух и жестоких ветров. А следовательно и все существа, наделенные голубыми лучами, тоже страдают. Более того, поскольку голубой цвет – самый важный компонент яркого цвета Блага, они всегда пребывают рядом. Не знаю, понимаешь ли ты меня?

- Понимаю, - ответил я, - Вы прекрасный комментатор. Но скажите мне, если носитель голубого света является таковым на протяжении многих эонов, почему он выглядит как молодой принц, стоящий рядом со своим отцом?

- Я вначале показал тебе помощников Благого в их настоящих обликах, но ты не смог узнать их. Поэтому я решил показать их тебе в таком виде, которое доступно твоему восприятию.

- В таком случае, и те, кто рядом с наследником, являются носителями света красного и света зеленого? - спросил я несколько язвительно.

- Именно так, - ответил Навруз, - наверное, ты можешь назвать их главнокомандующим и первосвященником по тому, как я их тебе представил, но на самом деле они являются лишь носителями лучей. Не больше, но и не меньше.

Пока мы беседовали, люди, которых не взирая на толкования Навруза, я принял за наследника престола, главного жреца и главу войск, а также нескольких воинов, встали чинно за спиной владыки. Когда они расположились на своих местах, царь поднял правую руку. Послышались радостные возгласы толпы.

- Это ли не голоса искреннего ликования, от которых освещается не только небо, но и самый потаенный злой мрак? - восторженно спросил Навруз-ака.

Сам Навруз, а соответственно и я с ним, свободно перемещался среди гостей, куда ему хотелось. Никто будто и

не замечал его, а если и замечал, то не находил в его поведении ничего удивительного. Так, он приблизился к трону и встал прямо над головой царя.

Было ощущение, будто я смотрел на эту красочную сцену, находясь на высоком дереве. Все предметы были знакомыми и обычными и в тоже время величественными и необъяснимо небесными. Перед царем примерно на расстоянии четырех метров возвышался стол круглой формы. Высота его была такая же, как и пьедестала трона, и покрыт он был ярко-желтым шелком. На нем были выставлены удивительные вещи.

Прямо перед царем находилась золотая жаровня, где пылал костер из душистого дерева, наполнявший своим ароматом все пространство. Зрелище огня было очень захватывающим, языки его пламени достигали высоты царской короны. Вокруг жаровни было расставлено шесть серебряных подносов в определенном расстоянии друг от друга, на каждом из которых были красиво уложены пучки растений, по одному виду на каждом подносе, украшенные цветущим алым шафраном. Подносы были широкие, диаметром более полуметра. Края подносов не были высокими, так что было видно зелень. Каждый поднос был поставлен на специальные подставки, накрытые красочной материей. Все тона и краски были яркими и глубокими.

Вокруг стола на деревьях распевали соловьи, а в чистейших прудах плавали золотые рыбки. На праздничной скатерти не было свободного места; на ней были расставлены блюда, наполненные рисом, пшеницей, ячменем, грецкими орехами, миндалем, лесными орешками и семечками подсолнуха.

Чуть дальше находились клетки со львами, тиграми и гепардами. Орел сидел на ветке дерева, по соседству со мной. Тут и там были расставлены чаши со сладостями, разноцветными птичьими яйцами, другими яствами, а также множество напитков.

Лица, преподносившие подарки правителю, стояли в ряд перед ним. С высоты мне было видно, как каждый из них поочередно представлялся царю, замирая при этом на несколько мгновений у подножия трона, пока произносилось его имя, кланялся и двигался дальше. Поворачивая направо, гости вставали полукругом прямо за царем и его наследником. Львы, пантеры и тигры, которых я видел, были подарками пришедших ранее гостей.

С каждой минутой все увеличивалось число даров: отрезки атласа, подобных которым я не видел даже в музеях, другие красочные ткани, драгоценные камни в неопишемом количестве, ковры, украшенные дивными орнаментами, золотые и серебряные монеты, пряности, мускус и прочие редкости. Число подношений росло, соответственно увеличивалось число гостей, выстраивающихся за спиной царя и его наследника.

По обе стороны пьедестала, насколько хватало взгляда, земля была покрыта алыми тюльпанами и другими дикими цветами, всюду цвели деревья и кустарники. Среди всей этой ослепительной красоты играли музыканты, одетые в войлочные шляпы, вышитые серебром халаты и голубые рубахи без ворота. Их сопровождали стройные танцовщицы с развевающимися темными волосами, в головных уборах из золота, великолепной златотканной одежде и мягкой кожаной обуви. Музыка и танцы были спокойными и не нарушали общей гармонии.

Оценив великолепие подарков, я спросил у Навруза-ака:

- Эти подарки тоже обрели материальную форму ради меня?

- Все ради тебя, - улыбнулся он, впервые за все время, и весело подмигнул. - Все это - знак любви, уважения и преданности жителей праведного мира по отношению к хранителям их жизни. Через царя они преподносят свою любовь к престолу Создателя.

Я спросил:

- Эти люди - те самые точки, что я видел?

- Да, - ответил он, - ты был свидетелем возношения к Всеблагову всех просьб и молитв, горестей и радостей этих самых существ.

- Почему же мне не удалось увидеть ответ Всеблагого на их просьбы?

- Ответ последовал, и ты его видел. Кого тебе не дано было увидеть - это самого Всеблагого.

Когда собралось значительное количество даров, заполнивших пространство между правителем и гостями, царь прекратил церемонию и обратился к народу:

« Взошел еще один день, и с ним божественный мир заново возсиял в наших словах, поступках и делах. Мы – хранители Истины и должны не только быть мудрыми, но и поступать мудро; наша задача – не дать Лжи омрачить наш разум, драгоценнейший дар Создателя. Разве не истина самый драгоценный дар творца своим созданиям? Соедините мудрость с праведностью и верно служите Истине и Создателю, поселившему вас в этом благословенном краю. Он дал вам дар жизни и украсил вас праведностью, верной пособницей вашего роста и процветания. Используйте эти дары во благо себе и на пользу истины.

Чтобы управлять делами мира, Всеблагой разделил вас согласно своему усмотрению на различные группы. Каждый из вас - воин или жрец, знатный человек или простой, согласно вашему чину. Довольствуйтесь тем, что вам дано и не поддавайтесь искушениям Лжи. Если вам хочется возрасти в чем либо, стремитесь к совершенству на своем месте, умножая усилия и зная свою меру. Не желайте богатств и чинов, которые по праву принадлежат другим.

Каждый год в это время Всевышний обновляет творение. Благой требует, чтобы и вы обновили узы верности молитвами и дарами и направили свои лучшие стремления, свои высочайшие достижения и добрые дела к благим целям. И Всеблагой одарит вас сполна, ниспошлет вам дожди, солнечное тепло и добрый урожай.

Согласно обычаям наших предков Всеблагой желает, чтобы каждый из вас, независимо от состояния, старался улучшить свою жизнь. Подражайте чистоте горных источников, живости трав и веселью животных. Разожгите костры радости в сердцах друг друга, прогоните печаль из жизни своих близких. Дарите друг другу цветы и сладости, новую одежду, которая может сравниться с пышной зеленью еревьев, изумрудными красками травы и ароматными цветами садов. Прислушайтесь к пению соловьев и научитесь различать в себе голос истины. Напрягите силу воображения, чтобы почувствовать любовь Создателя, исследуйте пути к познанию его мудрости. Храните свою верность мне, а через меня Всеблагому и Творцу.

Избегайте лжи, чтобы не сбиться с пути совершенства, не впускайте в свою душу нечистые мысли, дабы не ослабла вера в вас. Важнее всего, не перечьте творцу вашему, чтобы не уронить вечный дух свой в сети мирских желаний. Взгляните на новое светило и благодарите Творца своего за то, что развел в ваших сердцах огонь истины. Ни на миг не предавайте забвению разум, праведность, сострадание и совершенство, заложенное им в вас. Благой мыслью, благим словом, благим делом своим войдите в умы и сердца людские и пребывайте в них вечно.

Правда творца заключается в его творениях. Берите от его вод, растений и зверей, а также от духовных даров здоровья, справедливости и радости, столько, сколько было дней сотворения. Помните об этих символах обновления и блюдите полноту Триады.

Учите детей своих праздновать этот великий день, вспоминая ваши добрые мысли, слова, дела. Питайте их от даров земных и обеспечьте их процветание через приверженность Благу. Готовьте их для будущего, которое будет еще лучше.

Знайте, что бессмертие легко превращается в бесславие и падение, если вы забудете главную Триаду, три жемчужины, доверенные вам Творцом. Сделайте их знаком понимания

вашего отношения к Творцу и к Благу. Сделайте каждый свой день достойным сегодняшнего праздника».

По слову царя люди, звери, птицы и растения соединились в хоре и танце. Деревья, ростом с Навруза, раскачивались будто от ветра, которого в действительности, не было: они, так же как и все живое здесь, танцевали, в ликованиях и блаженстве.

Я настолько погрузился в любование этим зрелищем, что не заметил, как Навруз-ака, сняв меня со своих плеч, опустил среди танцоров. Оглядевшись, я увидел красивых танцующих женщин, облаченных в одежду из мягкой кожи. Я начал танцевать вместе со всеми и постепенно отдалился от того места, куда меня опустил Навруз-ака. И тут я впервые разглядел Навруза при свете. Космическая фигура огромного роста, в необычайно красочной одежде, сливалась с красками праздника. Мне показалось, что Навруз-ака, выполнив свое обещание, оставил меня. Возможно, он решил, что здесь я найду сокровище более драгоценное, чем свитки.

Несмотря на мои старания приблизиться к Наврузу, водоворот танца и музыки, поглотивший меня, все более отдалял от него. А затем произошло нечто страшное: Навруз-ака, единственный человек, который мог вернуть меня обратно на гору Муг, уходил без меня. Охваченный ужасом, я закричал:

- Навруз-ака!... Навруз...

3

- Профессор, профессор! - я почувствовал, как кто-то трясет меня за плечи. Открыв глаза, я увидел Махпаре, которая пыталась разбудить меня. Солнце было уже высоко, небо безоблачно, а воздух прохладен. Я невольно прислушался в надежде услышать звук вертолета, но ничего не услышал. Неподалеку стоял Хуршед и смотрел на извивающуюся внизу Зарафшан.

- Очень сожалеем, что оставили вас вот так, - виновато сказала Махпаре, а затем добавила: - мы всю ночь шли пешком через горы.

Я привстал, пытаясь разобраться в происходящем. - Я ждал вас вчера после полудня, - пробормотал я.

- Знаю, - сказала она. - К сожалению, Симург поломался, и нам пришлось оставить вертолет вместе с летчиком в селе. Перед восходом один из наших коллег подвез нас к подножию горы, и с тех пор мы поднимались к вам.

- Извините и вы меня. Вчера, убедившись в том, что вас уже не будет, я понял, что усложнил вам жизнь, согласившись на эту поездку. Искренне сожалею, - сказал я.

- Ничего страшного, - уверила она меня, - подобные случаи здесь - не редкость.

К нашему разговору примкнул и Хуршед. Он также приносил извинения, сокрушаясь по поводу войны на юге и жалуясь на плачевное положение экономики в стране после распада Советского Союза. - Подобная безответственность, - пояснял он, - ни за что не допускалась в советский период. Все контролировалось до мелочей, а теперь в малейших вопросах возникают проблемы.

- Хуршед-ака, - пытаясь его успокоить, сказал я, - не позволяй себе расстраиваться из-за подобных вещей. Такова жизнь.

- В Британии случается подобное? - спросил он.

- Ну, может не так именно, но и у англичан существуют свои проблемы.

- Полно вам, - сказала Махпаре, - не время для подобных разговоров.

Затем, обратившись ко мне, спросила:

- Как вы спали? К счастью, этой ночью не было так холодно, как тут обычно бывает.

- Спал хорошо, - ответил я, оглядываясь вокруг, в надежде найти следы Навруза-ака. Но не обнаружив ничего, я сказал: - Правда, этой ночью я был не один.

- Здесь? - спросил Хуршед, - На горе Муг?
- Да, здесь, - сказал я и пояснил: - звали его Навруз. Он сидел со мной до глубокой ночи.

Говоря это я почувствовал горький привкус во рту, - - -
Он дал мне какой-то корень, и мне было тепло всю ночь.

Они оба переглянулись и кивнули друг другу.

- Где же он теперь? - спросил Хуршед с любопытством.

- Не знаю, - сказал я и добавил: - Минутку, пожалуйста...

- и направился к горе, проверить не месте ли шкатулка.

- Куда вы? - спросил Хуршед, идя за мной.

- Вчера, - сказал я, - на краю той скалы я нашел древнюю шкатулку с несколькими свитками. Я подумал, что не смогу увезти их с собой на вертолете. Но теперь, когда мы пойдем своим ходом, я могу забрать их...

- Вы шутите? - спросил Хуршед недоверчиво.

- Нет, - ответил я, - говорю вам вполне серьезно.

Но как только я дошел до стены, мне стало не по себе: я увидел, что кто-то уже вынул шкатулку из ниши, на место хранения которой указывала все еще влажная глина.

- Шкатулка... - выговорил я, - кто-то унес шкатулку.

Затем, окинув взглядом место, где провел ночь, сказал:

- А где же рюкзак? Не помню, где я его...

Душанбе, август 2001 г.

Minneapolis, July 2002

¹ Симург - в персидской литературе: мифический персонаж - птица, обитающая высоко в горах.

² Кокнос - также мифическая птица в персидской литературе, у которой дивные окраски и чудесный голос. Согласно преданиям, ее клюв имеет 360 отверстий и сидя на высокой горе против ветра, она издает звуки, которые проходя через эти отверстия, создают невероятно красивые мелодии.

Птицы, как замороженные слетаются на эти звуки, некоторых Кокнос ловит и проглатывает. По этим же преданиям, эта птица живет тысячу

лет и по истечении этого срока, собирает вокруг себя огромное количество дров. Усевшись на них, она начинает петь до опьянения и взмахивать крыльями так сильно, что искры от них, падая на дрова, возгораются и птица в этом огне погибает, а от ее пепла рождается яйцо, так как Кокнос не имеет пары. Легенды также гласят, что впервые человек нашел и открыл для себя музыку именно в ее голосе.

³ Бурак (*в перев. с арабск.: «блистающий»*) - имя выючного животного, на котором пророк Мухаммад совершил упоминаемое в Коране (17:1) «ночное путешествие из Мекки в Иерусалим».

⁴ В быту веруют, что специальная колючая трава над дверью оберегает проживающих в доме от порчи и сглаза.

⁵ Новый год, согласно восточному календарю, наступает 21 марта - в день, когда по астрономическим подсчетам, наступает равноденствие и издревле празднуется всеми иранскими народами как Навруз - новый день.

⁶ Буква «син» в арабской графике обозначает звук «с».

⁷ На персидском языке слово «шоне», что означает гребень, пишется с буквы «шин». С этой же буквы начинаются слова «шакар» - вино, «шакар» - сахар, «шир» - молоко и «шамь» - свеча.

⁸ Одна из важнейших традиций Навруза и по сей день - украшение новогоднего стола «хафт сином» - семи предметами, названия которых должны начинаться на «син» (*ими могут быть различные предметы, продукты, блюда и т.д.*).

⁹ Большие сооружения в форме чаш или клумб на подножиях, на которых, по воображению автора, выращивались культуры.

¹⁰ Мубад - духовное лицо в зороастрийском храме, жрец. В персидской литературе также зачастую образ мубада ассоциировался с образом посвященного мудреца и предсказателя.

¹¹ Рута, адраспан - на персидском языке звучит как «сипанд», что тоже пишется с буквы «син» или как «исфанд», «хазорисфанд» - растение, настойка которого, а чаще - дым издревле используется у иранских народов в качестве лечебного средства и средства против сглаза и порчи.

¹² По-персидски яблоко - сиб, уксус - серке, сумах - сомдк, т.е. все эти слова, начинаются с буквы «син»

¹³ Сладкое новогоднее кушанье из солода, что также начинается с буквы «син».

¹⁴ По-персидски: «сонбол», тоже пишется с буквы «син».

¹⁵ «Секке», что на персидском языке означает «монета», также начинается с буквы «син»

¹⁶ Глава духовенства в зороастрийском храме огня, дословно: *жрец жрецов*.

¹⁷ Эта традиция и по сей день существует во всех странах, где празднуется Навруз: слой отборной пшеницы на специальных подносах в помещении в течении нескольких дней тщательно и очень бережно орошается, в результате чего покрывается бархатной зеленью. Эта зелень, будучи символом нового дня жизни, гармонии и благополучия, украшает праздничные столы.

¹⁸ Подстрочный перевод отрывка из стихотворения Фаридуна Мушири - современного иранского поэта.

¹⁹ Или «Ахриман», другое имя бога тьмы.

²⁰ Ака - старший брат, *здесь*: уважительное обращение

²¹ Хазар - Каспий.